

преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи законоучителя Московскаго училища Ордена Св. Екатерины, кандидата богословія, священника Іоанна Арсеньева въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі священника Арсеньева и копиі съ отзывомъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Василя Соколова и Александра Шостыина.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Апр. 16. По первому пункту опредѣленія исполненіе послѣдовало“.

30 апрѣля 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи, и. д. ординарнаго профессора, архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ В. Ключевскаго, В. Кипарисова и А. Введенскаго, неприсутствовавшихъ по болѣзни.

Слушали: I. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Апр. 24. Исполнить въ точности“. отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 апрѣля за № 476: „На основаніи § 113 Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1884 года Устава православныхъ духовныхъ академій и примѣчанія къ нему, своекоштные студенты духовныхъ академій должны жить въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казенныхъ студентовъ. Въ зданіи академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей. Между тѣмъ изъ дѣлъ Центральнаго Управленія духовно-учебнаго вѣдомства усматривается, что въ иныхъ академіяхъ, вопреки означенному требованію устава, студентамъ дозволяется жить не только у родителей, но и у родственниковъ, и даже на вольнонаемныхъ квартирахъ, и что число живущихъ на частныхъ квартирахъ студентовъ простиралось иногда до 30 человекъ.“

Признавая такое отступленіе отъ опредѣленнаго уставомъ духовныхъ академій порядка могущимъ причинить значительный вредъ учебно-воспитательному строю сихъ заведеній и неблагоприятно отразиться на успѣхахъ и поведеніи

воспитанниковъ оныхъ, долгомъ поставляю покорнѣше просить Ваше Высокопреосвященство предложить начальству подвѣдомственной Вамъ духовной академіи не разрѣшать, вопреки § 113 Устава, никому изъ студентовъ проживать внѣ академическихъ зданій, а разрѣшеніе на жительство у родителей на частныхъ квартирахъ давать только тѣмъ студентамъ, родители которыхъ имѣютъ *постоянное*, а не случайное или кратковременное жительство въ академическомъ городѣ“.

Опредѣлили: Принять къ исполненію.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта академіи за 31 марта текущаго года: „Апр. 27. На содержаніе студента Пампулова (ст. I) назначить стипендію Аксакова; выдать преміи, какъ постановлено въ статьѣ XI-й; дѣйствительный студентъ Василій Рѣчкинъ (ст. V) утверждается въ степени кандидата богословія; статьи II и IX-я смотрѣны; постановленія по статьямъ III, IV, VI, VII, VIII, X и XII принять къ исполненію“.

Справка: 1) Въ статьѣ I означеннаго журнала изложено было ходатайство Совѣта академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на содержаніе въ академіи студента I курса, болгарскаго уроженца, Ивана Пампулова стипендію имени Н. С. Аксакова въ 239 рублей. 2) Въ статьѣ XI журнала представлено было на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства постановленіе Совѣта о назначеніи премій изъ процентовъ съ капитала покойнаго Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ академіи экстраординарному профессору академіи Сергѣю Глаголеву (въ 276 р.) и доценту Анатолию Спасскому (въ 262 руб.). 3) Утвержденный въ степени кандидата богословія Василій Рѣчкинъ—сынъ священника Тульской губерніи.

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію. 2) О назначеніи стипендіи и премій сообщить (и сообщено) Правленію академіи для зависящихъ распоряженій. 3) Изготовить для Василія Рѣчкина кандидатскій дипломъ и препроводить его въ Тульскую духовную консисторію, а объ утвержденіи

Рѣчкина въ степени кандидата богословія сообщить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

III. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 3 апрѣля за № 2278: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 28 марта 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Иванъ *Строгановъ*—учителемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ 1-й классъ Звенигородскаго духовнаго училища“.

б) отъ 3 апрѣля за № 2284: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 28 марта 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Веселовскій* учителемъ латинскаго языка въ Шенкурское духовное училище“.

в) отъ 3 апрѣля за № 2285: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 28 марта 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Александръ *Сосновскій*,—учителемъ греческаго языка въ параллельные классы Кишиневскаго духовнаго училища“.

г) отъ 7 апрѣля за № 2412: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 2 сего апрѣля докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Александръ *Воскресенскій* помощникомъ инспектора въ Тифлисскую духовную семинарію“.

Къ сему Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода присовокупляетъ, что объ ассигнованіи вышеупомянутымъ лицамъ слѣдующихъ имъ, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію о. ректора академіи всѣмъ упомянутымъ лицамъ дано знать о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Вѣдомость о. ректора академіи о пропущенныхъ наставниками академіи лекціяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго

года, изъ которой видно, что экстраординарнымъ профессоромъ академіи Василиемъ Кинарисовымъ опущено 11 лекцій, доцентомъ и лекторомъ англійскаго языка Анатолиемъ Спасскимъ и и. д. доцента Ильею Громогласовымъ—по 4 лекціи, доцентомъ Василиемъ Мышцынымъ—3 лекціи, и. д. доцента Иваномъ Поповымъ и Павломъ Тихомировымъ—по 2 лекціи, ординарнымъ профессоромъ Николаемъ Заозерскимъ, экстраординарными профессорами Василиемъ Соколовымъ и Александромъ Шостынымъ—по 1 лекціи *по болъзни*.

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта академіи.

V. Предложеніе о ректора академіи *архимандрита Лаврентія*:

„По окончаніи академическаго курса многіе изъ воспитанниковъ академіи, удостоенныхъ степени кандидата богословія, обращаются въ Совѣтъ академіи съ прошеніями о выдачѣ имъ ихъ кандидатскихъ сочиненій для напечатанія послѣднихъ въ духовныхъ журналахъ или для переработки въ цѣляхъ соисканія степени магистра богословія. Сочиненія выдаются обычно Совѣтомъ на трехмѣсячный срокъ. Между тѣмъ мною замѣчено, что авторы не только не соблюдаютъ означеннаго срока, но болъшею частію и вовсе не возвращаютъ своихъ сочиненій въ академію. Долгомъ считаю предложить Совѣту академіи принять мѣры къ возвращенію въ академическій архивъ кандидатскихъ сочиненій, выданныхъ на руки ихъ авторамъ, и къ предупрежденію на будущее время возможности утраты этихъ весьма важныхъ для исторіи академіи документовъ.

Опредѣлили: 1) Отъ всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ академіи, не возвратившихъ по истеченіи назначеннаго Совѣтомъ срока ихъ кандидатскихъ сочиненій, потребовать немедленнаго возвращенія таковыхъ въ академическій архивъ; въ случаѣ же утраты или порчи сочиненій при печатаніи—присылки отдѣльныхъ оттисковъ печатныхъ статей. 2) На будущее время выдачу и высылку кандидатскихъ сочиненій ихъ авторамъ прекратить, представивъ послѣднимъ для снятія копій съ сочиненій являться въ академію лично.

VI. Сообщение *Правленія академіи* о томъ, что по распоряженію Г. Севастопольскаго Градоначальника душепри-

кащиками по завѣщанію умершаго потомственного почетнаго гражданина Василя Ивановича *Феолого* прислано въ Правленіе академіи для учрежденія при оной стипендіи имени покойнаго В. И. Феолого 12500 рублей наличными деньгами, на каковыя и приобрѣтены уже Правленіемъ семь $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, изъ коихъ два за №№ 1174 и 1886— по 5000 рублей каждый, два за №№ 60228 и 90154— по 1000 рублей каждый и три за №№ 30329, 152823 и 156428 — по 100 рублей, — всего на сумму 12300 рублей. Процентовъ съ означеннаго капитала имѣеть поступать по 525 р. 82 к. ежегодно.

Справка: 1) Г. Прокуроромъ Симферопольскаго Окружнаго Суда при отношеніи отъ 6 іюля 1891 года за № 6052 препровождена была въ Правленіе академіи выписка изъ утвержденнаго Окружнымъ Судомъ 6 апрѣля 1891 года нотаріальнаго духовнаго завѣщанія потомственного почетнаго гражданина Василя Ивановича Феолого, составленнаго имъ 4 апрѣля 1890 года, слѣдующаго содержанія: ... „Затѣмъ на проценты съ всего остальнаго моего капитала, оставшагося свободнымъ за выдачами вышеозначенныхъ назначеній, должны быть учреждены стипендіи моего имени и фамиліи при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ при духовныхъ академіяхъ, такъ и при университетахъ. Ежегодное содержаніе каждаго стипендіата назначаю въ четыреста рублей, въ теченіе четырехъ лѣтъ, а по окончаніи курса, на пятый годъ назначаю пособіе этому стипендіату тоже въ четыреста рублей, съ выдачею таковыхъ въ два срока: а именно, на проѣздъ по окончаніи курса для пріисканія мѣста двѣсти рублей и на обзаведеніе при опредѣленіи на мѣсто двѣсти рублей, не ранѣе впрочемъ, какъ черезъ полгода по выдачѣ первыхъ двухсотъ рублей. Такимъ образомъ каждая стипендія ежегодно должна быть рассчитана въ пятьсотъ рублей, изъ коихъ на содержаніе стипендіата выдавать въ годъ четыреста рублей, а остатокъ отъ каждаго года въ сто рублей оставлять на выдачу пособія по окончаніи курса, что и составитъ потребную для сего сумму четыреста рублей. Университетскимъ стипендіатамъ моей фамиліи предоставлять поступать на тотъ факультетъ, на какой кто пожелаетъ, и для нихъ съ своей стороны я не полагаю ни-

какихъ условій въ отношеніи обязательности службы въ извѣстныхъ вѣдомствахъ, если сіе не будетъ несогласнымъ съ основными положеніями учебнаго вѣдомства. А для стипендіатовъ академическихъ желаю положить то условіе, чтобы имѣющій пользоваться моею стипендіею былъ расположенъ къ принятію священнаго сана, дабы по окончаніи академическаго курса занять службу въ епархіальномъ или учебномъ вѣдомствѣ, непремѣнно въ священномъ санѣ, и былъ бы молитвенникомъ у престола Божія и проповѣдникомъ Божественнаго ученія во славу Святой Церкви и во спасеніе православныхъ чадъ ея. Еще лучше, если таковой стипендіатъ избретъ жизнь монашескую. Учредить эти стипендіи мнѣ желательно въ академіяхъ: Московской, Кіевской и Казанской по одной въ каждой и при университетяхъ: Харьковскомъ и Новороссійскомъ, Одесскомъ тожь, поровну, сколько таковыхъ возможно будетъ учредить на проценты съ капитала, оставшимся свободнымъ по отчисленіи для академій. Стипендіи моего имени и фамиліи, — желаю, чтобы были предоставляемы лицамъ православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій Греческой, Русской и Малороссійской націи, обучавшимся и окончившимъ курсъ въ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Таврической губерніи, преимущественно же въ Симферопольской и Керченской гимназіяхъ. Если Господь не судитъ мнѣ самому составить подробный проэктъ на открытіе стипендій моего имени и фамиліи для представленія съ ходатайствомъ на Высочайшее возрѣніе, то да будетъ позволено передать это дѣло Пресвященному Таврическому и Господину Севастопольскому Градоначальнику и просить ихъ распоряженія и наблюденія, чтобы надлежащій проэктъ былъ составленъ по духу и силѣ моего завѣщанія и представленъ съ ходатайствомъ ихъ, куда слѣдуетъ, для испрошенія Высочайшаго соизволенія на учрежденіе стипендіи. Для учрежденія стипендій, означенныхъ въ предыдущемъ десятомъ пунктѣ, поступаютъ деньги, какія окажутся въ Севастопольскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка на текущемъ счету, всѣ тѣ капиталы, какіе до смерти моей не будутъ мнѣ уплачены по закладнымъ, поименованнымъ въ первомъ пунктѣ сего завѣщанія, по мѣрѣ ихъ поступления, причемъ въ случаѣ неплатежа къмъ-либо занятыхъ денегъ, то ко

взысканію таковыхъ не приступать немедленно, а дѣлать отсрочки по желанію залогодателей, по не далѣе двадцать перваго мая тысяча восемьсотъ девяносто четвертаго года, то есть до окончанія срока билету Севастопольскаго Городскаго Общественнаго Банка, а послѣ сего срока при неуплатѣ взыскивать подлежащія суммы судомъ и никакихъ дальнѣйшихъ отсрочекъ не допускать; деньги, вырученныя отъ продажи дома моего послѣ срока окончанія аренды онаго, а до того вносить арендную плату; наемныя деньги, которыя будутъ выручаться отъ отдачи въ наемъ квартиры, которую я нынѣ занимаю; впредь до продажи дома, деньги сорокъ тысячъ рублей, вложенныя въ Севастопольскій Городской Общественный Банкъ по билету отъ двадцать перваго апрѣля тысяча восемьсотъ восемьдесятъ шестаго года, по окончаніи срока, на который они положены, а до того проценты съ этого капитала и проценты слѣдующіе по закладнымъ, словомъ всѣ вообще суммы, какія послѣ смерти моей за вышеозначенными назначеніями будутъ свободны и слѣдовать мнѣ къ полученію. Всѣ эти суммы должны быть вносимы, по мѣрѣ ихъ поступленія, въ Севастопольское Отдѣленіе Государственнаго Банка и когда, такимъ образомъ, въ ономъ Отдѣленіи сосредоточится весь капиталъ, то душепращащики обязаны запросить вышеозначенныя академіи, какой потребенъ капиталъ, который бы по разсчету приносилъ ежегодно пятьсотъ рублей процентовъ для назначенной стипендіи, и по полученіи увѣдомленія выслать тѣ суммы по назначенію, а затѣмъ весь остатокъ капитала отослать въ Харьковскій и Одесскій университеты, для учрежденія на проценты стипендій, сколько окажется возможнымъ по разсчету пятисотъ рублей на каждую“.

2) 12 апрѣля 1891 года внукомъ завѣщателя Керченскимъ мѣщалиномъ Иваномъ Оеолого предьявленъ былъ въ Симферопольскій Окружный Судъ искъ о признаніи означеннаго завѣщанія, а равно и дополнительнаго завѣщанія В. И. Оеолого отъ 11 апрѣля 1890 года, недействительными, въ виду того, что во время составленія таковыхъ завѣщатель Василій Оеолого, страдая старческимъ слабоуміемъ, былъ лишень тѣхъ качествъ, которыя требуются 1016 ст. 1 ч. X т. Зак. Гражд., причемъ защита интересовъ духовнаго вѣдомства поручена была Святѣйшимъ

Синодомъ Г. Секретарю Таврической духовной консисторіи Александру Васильевичу Гроздову. По опредѣленію Симферопольскаго Окружнаго Суда отъ 10-го сентября минувшаго 1896 года Керченскому мѣщанину Ивану Θεолого въ искѣ, за недоказанностью его, было отказано.

Опредѣлили: Согласно точному смыслу завѣщанія потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Θεолого, увѣдомить Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Михаила, Епископа Таврическаго и Симферопольскаго, и Г. Севастопольскаго Градоначальника о полученіи академіею завѣщанной суммы и обращеніи ея въ процентныя бумаги и просить ихъ составить проектъ положенія о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Θεолого, учреждаемой при Московской духовной академіи, и представить оный, по предварительномъ сношеніи съ Совѣтомъ академіи, на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

VII. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента академіи по кафедрѣ патристики Ивана *Попова* подъ заглавіемъ: „Естественный нравственный законъ“ (Сергіевъ посадъ, 1897 г.), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) экстраординарнаго профессора по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣя *Введенскаго*:

„Задачею изслѣдованія г. Попова, какъ она опредѣлена въ его заглавіи, служить раскрытіе ученія о „естественномъ нравственномъ законѣ“. Однако, на стр. XVI своего „Введенія“ онъ пишетъ: „наше изслѣдованіе будетъ посвящено вопросу о психологическихъ основахъ *христіанской* нравственности“ и, дѣйствительно, далѣе на стр. 270—299 довольно подробно говоритъ объ основаніяхъ нравственности именно *христіанской* (о началѣ христіанскаго аскетизма и пр.), а на стр. 422—439—о собственно *христіанскомъ* основаніи нравственности, каковое основаніе находитъ въ догматѣ о Св. Троицѣ. Отсюда видно, что постановка перваго термина темы страдаетъ нѣкоторою шаткостью. Не совсѣмъ свободна отъ этого недостатка и постановка втораго термина темы, —опредѣленіе понятія нравственнаго *закона*. Авторъ употребляетъ этотъ терминъ перѣдко, но не всегда въ одинаковомъ значеніи (ср. стр. II, IV, 32, 172, 182, 500), нигдѣ не даетъ его точнаго

опредѣленія и иногда, повидимому, безразлично ставить одно вмѣсто другого слова: законъ, долгъ, нравственный идеаль, совѣсть и т. д. Такимъ образомъ, въ постановкѣ темы у автора замѣчается нѣкоторая шаткость и колебаніе.

Методъ сочиненія, по его преобладающему характеру, долженъ быть названъ критическимъ: двѣ трети книги (стр. 1—401) посвящены критическому обзорѣнню различныхъ философскихъ ученій о нравственности и только одна треть (402—597)—положительному изложенію предмета. Критическій методъ имѣеть, конечно, свои достоинства (которыя и побудили автора избрать его,—см. стр. ХІІІ, 496); но, при шаткости въ постановкѣ темы, онъ представляеть и свои опасности (можетъ вести, напр., къ повтореніямъ, несогласованности въ отдѣльныхъ частяхъ сочиненія и т. д.), которыхъ не вполне избѣжалъ и авторъ. Будучи вынужденъ этимъ методомъ высказываться по однимъ и тѣмъ же вопросамъ въ разныхъ мѣстахъ книги и въ виду различныхъ цѣлей, опредѣляемыхъ задачами критики, онъ иногда оставляетъ на долю самого читателя нелегкій трудъ сопоставленія и сведенія къ единству разбросанныхъ въ ней разъясненій того или другого вопроса. Правда, этотъ трудъ до нѣкоторой степени облегчаютъ читателю тезисы, которыми авторъ заботливо заканчиваетъ каждое подраздѣленіе своей книги, но именно—лишь *до нѣкоторой степени*, такъ какъ сами эти тезисы, въ свою очередь, вслѣдствіе своей многочисленности, крайней дробности и разбросанности, представляютъ не малую трудность для усвоенія и сведенія къ единству.

Преобладаніе въ изслѣдованіи г. Попова критическихъ приемовъ надъ положительными, при нѣкоторой шаткости въ постановкѣ темы, неблагоприятно отразилось на раскрытіи его основной мысли: читатель идетъ къ ней долгимъ и труднымъ путемъ,—среди постоянныхъ отклоненій въ сторону и борьбы съ различными мнѣніями, при неполнѣ ясномъ сознаніи точки отправленія и конечной цѣли. Въ первой главѣ авторъ полемизируетъ съ Миллемъ, Бентамомъ, эволюціонистамъ; во второй—съ Кирхманомъ, Шопенгауеромъ, Шефтсбюри, Гутчесономъ; въ третьей—съ Кантомъ и Гербартомъ; и только въ четвертой и пятой главахъ положительно выясняетъ „основной идеаль нрав-

ственности“ (4 гл.) и прости́живаетъ „происхожденіе нравственныхъ чувствованій и нравственныхъ идеаловъ“ (5 гл.). Въ послѣднихъ двухъ главахъ авторъ, конечно, вводитъ читателя въ область вопроса, поставленнаго въ темѣ, равно какъ и въ самой критикѣ (первыя три главы) онь тщательно выдѣляетъ элементы, подготовляющіе положительное рѣшеніе вопроса. Но такъ какъ взаимоотношеніе понятій нравственнаго *закона*, *идеала* и нравственныхъ *чувствованій* у него установлено недостаточно точно; то даже „заключеніе“ не совсѣмъ освобождаетъ читателя отъ того впечатлѣнія колебанія и шаткости, которое оставляетъ чтеніе книги. Закрывъ ее, спрашиваешь себя: какъ же, въ концѣ концовъ, авторъ отвѣтилъ на свой вопросъ, въ его *прямомъ* и собственномъ смыслѣ, — *что такое нравственный законъ*, какъ именно *законъ*? Въ самомъ „заключеніи“ авторъ говоритъ о законѣ, то какъ о „внутреннемъ побужденіи къ добру“, то какъ о „*принципѣ*, опредѣляющемъ дѣятельность воли“?... „Побужденіе“ и „*принципъ*“ одно ли и то же, а если не одно, то въ какомъ высшемъ понятіи они должны быть объединены?

Со стороны источниковъ и обработки сочиненіе г. Попова также оставляетъ кое-чего желать. Изъ философскихъ ученій о нравственности лучше, т. е. подробнѣе и тщательнѣе, у него обработаны ученія болѣе извѣстныхъ философовъ, о которыхъ не только на иностранныхъ, но и на русскомъ языкѣ существуетъ довольно богатая литература (Милль, Бентамъ, Кантъ, Шопенгауеръ). Напротивъ, теоріи менѣе извѣстныя у насъ (теоріи Кирхмана, Шефтсбюри, Гутчесона) обработаны и короче, и менѣе тщательно. Наконецъ, совсѣмъ обойдены нѣкоторые выдающіеся новѣйшіе труды по нравственной философіи (Паульсена, Вундта, Гартмана), которые, однако, не только сами по себѣ представляютъ крупный научный интересъ, но могли бы дать автору поводъ высказаться болѣе опредѣленно по такимъ вопросамъ, которые у него теперь оставлены въ тѣни. Такимъ образомъ, книга г. Попова знакомитъ читателя съ новѣйшими движеніями въ области нравственной философіи далеко не въ той степени, въ ка-

кой это было бы желательнo. Объ этомъ гѣмъ болѣе можно пожалѣть, что не толькo въ критической части книги, но и въ положительной есть страницы, право на существованіе которыхъ, по мнѣнію рецензента, болѣе чѣмъ сомнительно (таковы, напримѣръ, стр.: 63 — 7, 221 слѣд., 502 слѣд., 522 слѣд. и др.). Вообще, книгѣ г. Попова недостаать, такъ сказать, послѣдней редакціи. Новый пересмотръ ея заставилъ бы кое-что въ нее внести и кое-что изъ нея удалить, отъ чего она, можетъ быть, уменьшилась бы въ объемѣ, но, безъ сомнѣнія, нисколько не потеряла бы въ достоинствѣ.

Что касается содержанія книги, то сущность своихъ взглядовъ авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Ислѣдованіе нравственныхъ чувствъ и идеаловъ, — пишетъ онъ въ своемъ заключеніи (стр. 595—6),—дало намъ три основанія для сужденія о сущности стремленія человѣческой воли, приводящаго его къ добру. Основной идеаль нравственности сводится 1) къ идеѣ полнаго жизненнаго единенія разумныхъ существъ въ мысли, чувствѣ и стремленіяхъ и 2) къ любви къ Богу и ближнимъ. Два эти требованія въ сущности тождественны и отмѣчаютъ двѣ стороны одного и того же цѣлаго—объективную и субъективную. Такимъ образомъ, *основною цѣлью нравственной дѣятельности*, опредѣляющей собою цѣнность и нравственное достоинство отдѣльныхъ видовъ поведенія, *служитъ единеніе разумныхъ существъ*, осуществляемое въ чувствѣ любви. Этому основному идеалу соотвѣтствуетъ чувство нравственной цѣнности, слагающееся изъ чувства любви и чувства гармоническаго отношенія воли. Чувство любви, входя въ составъ содержанія нравственности, въ то же время служить однимъ изъ слагающихъ элементовъ ея формальной стороны — нравственныхъ чувствованій. Чувство любви и по условіямъ своего возникновенія, и по своимъ проявленіямъ указываетъ на стремленіе, нашего существа къ *единенію съ собой подобными*. Чувство гармоніи возникаетъ вслѣдствіе удовлетворенія склонности сознанія къ единству, гармоніи и порядку. Такимъ образомъ, стремленіе, лежащее въ основѣ нравственности, характеризуется тремя данными: основнымъ требованіемъ нравственныхъ идеаловъ, чувствомъ любви и чувствомъ гармоническаго

единенія воль. Всѣ эти данныя указываютъ на глубокое стремленіе человѣческой природы къ жизненному единенію съ другими разумными и чувствующими существами, стремленіе, находящее свое удовлетвореніе субъективно въ любви и объективно въ созерцаніи согласно настроенныхъ воль. Теперь мы можемъ убѣдиться, насколько глубока въ человѣкѣ *нравственная потребность*, насколько тѣсно связана она съ его природою. Она вытекаетъ изъ самаго основнаго *стремленія человеческого духа къ гармоніи, порядку и единству*. Таковъ основной тезисъ автора. Что нравственная потребность „вытекаетъ изъ стремленія къ гармоніи, порядку и единству“, — это, очевидно, столь широкое и многосмысленное положеніе, что его, безъ сомнѣнія, примутъ мыслители самыхъ противоположныхъ направленій, потому что, при своей широтѣ и общности, оно въ сущности ни къ чему не обязываетъ, способно все въ себя вмѣстить и все въ себѣ примирить. Но что „идея единенія разумныхъ существъ“ достаточна будто бы для опредѣленія всѣхъ отдѣльныхъ видовъ поведенія, — это подлежить спору, такъ какъ отношеніемъ къ разумнымъ существамъ, очевидно, не исчерпывается весь кругъ нравственныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, вѣрный въ сущности принципъ, положенный авторомъ въ основу своего изслѣдованія, оказывается въ одномъ отношеніи слишкомъ широкимъ, а въ другомъ, — слишкомъ узкимъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что сочиненіе г. Попова далеко не свободно отъ недостатковъ. Но эти недостатки отчасти могутъ быть извиняемы трудностію и сложностію предмета, отчасти же уравниваются тѣми достоинствами, которыми обладаетъ книга, а именно:

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить постоянное, проходящее чрезъ всю книгу, стремленіе автора повѣрять свои мысли ученіемъ Свящ. Писанія и Свящ. Преданія. Сочиненіе обилуетъ многочисленными и умѣло подобранными выписками изъ твореній о.о. Церкви, обнаруживающими въ авторѣ обширное и основательное знакомство съ святоотеческою литературою. Настроеніе автора повсюду серьезно, возвышенно, а иногда и одушевленно.

Во вторыхъ, оставляя, какъ было отмѣчено выше, кое-чего желать со стороны формальной обработки въ общемъ

и цѣломъ, сочиненіе г. Попова, какъ бы взамѣнъ этого, представляетъ много цѣннаго въ частностяхъ. Нѣкоторыя страницы обнаруживаютъ въ авторѣ мыслителя основательнаго, критика тонкаго и спокойнаго, наблюдателя вдумчиваго, ученаго широко и разносторонне образованнаго. Для раскрытія своихъ мыслей авторъ беретъ свѣдѣнія изъ различныхъ соприкосновенныхъ областей знанія. Особенно слѣдуетъ отмѣтить его хорошее обыкновение иллюстрировать изложеніе предмета извлеченіями изъ произведеній изящной литературы, что производитъ на читателя благопріятное, такъ сказать, освѣжающее дѣйствіе.

Въ третьихъ, въ изслѣдованіи проявлено большое трудолюбіе, какъ объ этомъ свидѣтельствуется уже и самый его объемъ.

Наконецъ, въ стилистическомъ отношеніи, по изложенію книга вполне удовлетворительна. Авторъ настойчиво и въ большинствѣ случаевъ успѣшно борется съ иностранными словами, употребляя ихъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, и стремится, насколько возможно, упрощать свою мысль. Поэтому, его сочиненіе можетъ быть отнесено къ числу общедоступныхъ по изложенію. Это не малая заслуга со стороны автора, писавшаго о трудномъ предметѣ и притомъ для представленія на соисканіе ученой степени.

Въ виду указанныхъ достоинствъ признаю, съ своей стороны, г. Попова достойнымъ искомой имъ степени магистра богословія“.

б) ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*:

„Изслѣдованіе г. Попова, составившее собою книгу въ I—XIX+1—597 страницъ, отличается какъ характерными свойствами, богатствомъ содержанія и стремленіемъ къ ясному, полному, отчетливому изложенію его. Богатство содержанія книги явилось результатомъ изученія новой нравственно-философской литературы и философско-критическаго отношенія къ ней автора подъ высшимъ руководствомъ Слова Божія и святоотеческаго ученія. Такимъ образомъ, богатое содержаніе книги г. Попова имѣетъ характеръ богословско-философскій.

Задача, предпринятая и исполненная авторомъ, и требовала именно такого содержанія отъ его ученаго изслѣдованія.

„Ученіе (отцовъ Церкви) о нравственномъ законѣ, — говоритъ авторъ, — отличается общими чертами и представляеть собою почти одно лишь указаніе на его существованіе и общія начала для рѣшенія вопросовъ о его значеніи въ нравственной жизни и отношеніи къ сверхъестественному Откровенію. Говоря о существованіи естественнаго нравственнаго закона, отцы Церкви не изслѣдуютъ вопроса: въ какихъ собственно силахъ человѣческаго духа онъ коренится, и изъ какихъ основныхъ требованій человѣческой природы онъ возникаетъ? Развить подробнѣе эти основныя положенія ученія Церкви о нравственномъ законѣ и есть дѣло нравственнаго богословія, какъ науки о христіанской нравственности и ея естественныхъ и богооткровенныхъ основахъ“ (стр. X, XI). Рѣшить эту, чисто научную задачу нравственнаго богословія и берется авторъ. „Но — добавляетъ онъ — помимо научной любознательности къ изслѣдованію этого вопроса долженъ склонять и апологетическій интересъ. Святилище христіанской нравственности, предъ которымъ съ благоговѣніемъ склонялись прежде даже враги христіанства, теперь въ свою очередь начинать подвергаться ихъ нападкамъ. Уже давно появились теоріи, по смыслу которыхъ человѣческая нравственность есть нѣчто условное, не связанное существенно съ самою природою человѣка. Цѣлый рядъ мыслителей видитъ въ ней не что иное, какъ разсчитливое самоограниченіе сталкивающихся эгоизмовъ, прекрасно понимающихъ, что въ противномъ случаѣ они рано или поздно пожрутъ другъ друга. По ихъ мнѣнію понятія о добрѣ постоянно мѣняются сообразно условіямъ времени, страны и успѣхамъ извѣстной группы лицъ въ борьбѣ съ себѣ подобными. Теорія эволюціи и ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ дали новое оружіе въ руки отрицателсеі безусловнаго значенія нравственности. Всѣ эти теоріи проникаеть одна мысль: случайность и условность нравственности, независимость ея отъ основныхъ свойствъ человѣческаго духа. Бороться съ этими теоріями, столь же противными религіи, сколько пагубными для общественной нравственности, необходимо“ (стр. XI). Критическое отношеніе къ этимъ теоріямъ съ цѣлію опроверженія ихъ есть, такимъ образомъ, вторая задача, рѣшить которую, по мнѣнію автора, также необходимо. „Но — снова

дополняетъ авторъ — самая талантливая критика, показывающая съ математическою очевидностью несостоятельность извѣстной теоріи, не достигаетъ ничего, если не противопоставляетъ ей болѣе удовлетворительнаго объясненія. Наоборотъ, очень часто появленіе теоріи, соответствующей современному состоянію знаній и интересовъ эпохи, самымъ своимъ существованіемъ убиваетъ ранѣе распространенныя гипотезы“. Отсюда конечною цѣлью своего изслѣдованія авторъ и поставляетъ такое „идеалистическое объясненіе происхожденія нравственности, которое вопреки матеріализму утилитаристическихъ системъ, указало бы корни ея въ глубокихъ и основныхъ свойствахъ человѣческой природы“ (стр. XII).

Такъ выясняетъ и опредѣляетъ авторъ въ своемъ введеніи задачу своего изслѣдованія, которое затѣмъ и располагается въ пяти очень обширныхъ главахъ.

Глава 1-я, подраздѣляющаяся на VI отдѣловъ (1—169), есть обширный трактатъ объ утилитаризмѣ. Со всюю обстоятельностью авторъ излагаетъ положенія утилитаризма, какъ своеобразной теоріи нравственности, подвергаетъ философской критикѣ системы наиболѣе видныхъ и авторитетныхъ представителей его, каковы Милль, Бентамъ и Спенсеръ. Затѣмъ въ отдѣлѣ V-мъ раскрываетъ отношеніе христіанства къ утилитаризму, наконецъ въ отдѣлѣ VI-мъ въ видѣ сжатыхъ положеній (тезисовъ) представляетъ итоги своей философско-богословской критики утилитаризма.

Глава 2-я, подраздѣляющаяся на V отдѣловъ (стр. 173—301), содержитъ критическое разсмотрѣніе „морали безкорыстныхъ чувствъ“, въ частности представителей ея: Кирхмана, Шопенгауера, Шефтсбюри, Гутчесона, а въ концѣ представляетъ положительное раскрытіе ученія Св. Церкви о главномъ началѣ нравственности и -- въ видѣ тезисовъ — „итоги критики морали безкорыстныхъ чувствъ“.

Глава 3-я посвящена такому же обстоятельному критическому разсмотрѣнію ученій Канта и Гербарта (303—401).

Во всѣхъ этихъ главахъ своего изслѣдованія авторъ выступаетъ по преимуществу въ качествѣ критика философско-моральныхъ ученій какъ съ точки зрѣнія современной психологіи, такъ и съ точки зрѣнія святоотеческаго ученія. Къ достоинствамъ критики автора слѣдуетъ отнести

прежде всего богатую эрудицію въ психолого-философской и святоотеческой литературахъ, затѣмъ всесторонній анализъ душевныхъ явленій, соприкасающихся такъ или иначе съ жизнію совѣсти, или прямо служащихъ ся обнаруженіями; далѣе — спокойное обсужденіе разсматриваемыхъ ученій. У автора нѣтъ ни полемическаго задора, ни преувеличеній въ оцѣнкѣ слабыхъ и хорошихъ сторонъ разсматриваемыхъ имъ ученій; его тонъ всегда серьезень, изложеніе послѣдовательное, отчетливое. Вслѣдствіе такого отношенія автора къ разсматриваемымъ имъ нравственнымъ системамъ получается то, что въ нихъ тщательно выдѣляется авторомъ какъ несогласное ни съ современными научными данными, ни съ святоотеческимъ ученіемъ отъ того, что можетъ быть принято и въ настоящее время, какъ цѣнная мысль, вѣрный выводъ или обобщеніе: въ концѣ каждой главы, въ „итогахъ“ авторскихъ изслѣдованій и отмѣчаются выводы отрицательные и положительные.

Главы 4-я и 5-я носятъ болѣе положительный характеръ, представляя собственное рѣшеніе авторомъ указанныхъ во введеніи вопросовъ. Его построеніе совершается приблизительно слѣдующимъ процессомъ.

Какъ было сказано, въ первыхъ главахъ своего изслѣдованія авторъ рядомъ съ отрицательными выводами всюду представляетъ и положительные. Такъ, напримѣръ, показавъ въ 1-й главѣ несостоятельность утилитаризма, какъ нравственной системы, авторъ извлекаетъ изъ опроверженія его слѣдующіе, между прочимъ, положительные выводы:

а) Для человѣка доступны объективныя цѣли, въ стремленіи къ которымъ удовольствіе не имѣется въ виду и служитъ скорѣе слѣдствіемъ достиженія цѣли, чѣмъ сознательнымъ побужденіемъ въ стремленія къ ней.

б) Эти объективныя нравственныя цѣли могутъ быть извлечены не изъ анализа всѣхъ проявленій воли, но лишь изъ анализа проявленій нравственной воли, т. е. на основаніи изслѣдованія совѣсти съ присущими ей чувствами и нравственными правилами.

Критическое разсмотрѣніе во 2-й главѣ ученій Кирхмана, Шопенгауера и др. дало автору въ результатъ, между прочимъ, слѣдующіе выводы:

а) Разнообразныя склонности человѣческой природы, входящія въ составъ совѣсти въ качествѣ ея второстепеннаго элемента, каковы: уваженіе, состраданіе, сочувствіе, естественное стремленіе къ правдивости, взятая въ отдѣльности, являются принципами слишкомъ узкими для объясненія всей совокупности явленій нравственнаго порядка: къ нимъ сводится лишь часть содержанія нравственнаго закона (отрицательный выводъ).

б) Болѣе объясняютъ онѣ, будучи взяты во всей совокупности, объединяемая любовью,—склонностью, простирающей свое вліяніе на всю душевную жизнь. Объединяемая любовью совокупность этихъ склонностей исчерпываетъ собою содержаніе нравственности (положительный выводъ).

в) Этотъ выводъ стоитъ въ полномъ согласіи съ ученіемъ Православной Церкви о любви, какъ основномъ началѣ, опредѣляющемъ собою все содержаніе нравственно

Анализъ ученій Канта и Гербарта въ 3-й главѣ далъ автору въ результатѣ, между прочимъ, слѣдующіе выводы:

а) Категорическій императивъ и связанныя съ нимъ понятія всеобщности и необходимости не опредѣляютъ собою содержанія нравственности вслѣдствіе своего формальнаго, отрицательнаго и отвлеченно всеобщаго характера (2-й отрицательный выводъ).

б) Недостаточность въ этомъ отношеніи категорическаго императива устраняется лишь при предположеніи извѣстной цѣли нравственной дѣятельности, т. е. при замѣнѣ формальнаго принципа матеріальнымъ (3-й положительный выводъ).

в) Такимъ матеріальнымъ принципомъ, опредѣляющимъ собою содержаніе нравственности, служитъ общеніе всѣхъ разумныхъ существъ въ мысли, чувствѣ и волѣ (4-й положительный выводъ).

Эти и прочіе положительные выводы, добытые авторомъ въ 3-хъ главахъ его изслѣдованія, и послужили основаніями въ его собственномъ построеніи идеалистическаго объясненія происхожденія нравственности.

Въ главѣ 4-й авторъ старается уже положительными данными твердо обосновать, во 1-хъ, тотъ выводъ, по которому содержаніемъ нравственности служитъ общеніе или единеніе всѣхъ разумныхъ существъ въ мысли, чувствѣ и волѣ;

во 2-хъ, выяснитъ отношеніе, въ которомъ стоитъ къ этому идеалу нравственности—любовь.

Путемъ положительныхъ данныхъ авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) Цѣнность идеала единенія разумныхъ и чувствующихъ существъ признавалась въ той или другой формѣ уже въ до-христіанской древности. Христіанство положило его въ основу своего нравственнаго ученія.

б) Любовь и по непосредственному чувству, и по условіямъ возникновенія, и по своимъ проявленіямъ есть жизненное единеніе любящихъ въ мысли, чувства и волю.

в) Содержаніе нравственности сводится къ требованію единенія между разумными существами, какъ объективной цѣли ихъ нравственной дѣятельности, и къ любви, какъ настроенію, неразрывно связанному съ осуществленіемъ этой цѣли.

Утвердивъ эти положенія, авторъ въ послѣдней главѣ (5-й) своего изслѣдованія даетъ самостоятельное рѣшеніе главной задачи своего труда, т. е. слѣдующаго вопроса: въ какихъ силахъ человѣческаго духа коренится нравственный естественный законъ и изъ какихъ основныхъ требованій человѣческой природы онъ возникаетъ? (Введ. стр. X).

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ указываетъ на непрерывающееся стремленіе ума къ порядку, гармоніи и единству въ многообразіи представленій, въ дѣятельномъ стремленіи къ согласію единичныхъ волю всѣхъ разумныхъ существъ, въ жизненной силѣ любви, побуждающей одного изливать избытокъ своихъ силъ и довольства въ пользу другихъ. Въ этихъ основныхъ и всеобщихъ требованіяхъ человѣческаго духа, обусловливающихъ и выражающихъ его общее стремленіе къ творческой дѣятельности, и коренится естественный нравственный законъ. Эти требованія движутъ духъ человѣка къ непрерывному развитію идеаловъ и къ практической дѣятельности, соответствующей этимъ идеаламъ; соответственная имъ дѣятельность и поведеніе награждаются ощущеніемъ высокаго внутренняго удовольствія, несоответственныя—страданіямъ, мученіями совѣсти.

Свое обширное изслѣдованіе авторъ оканчиваетъ слѣдующими словами:

„Теперь мы можемъ убѣдиться, насколько глубока въ

человѣкъ нравственная потребность, насколько тѣсно связана она съ его природою. Она вытекаетъ изъ самого основнаго стремленія человѣческаго духа къ гармоніи, порядку и единству. Мы подробно сказали объ объединяющей дѣятельности сознанія, начиная съ простѣйшихъ формъ и кончая самыми сложными. Читателю могло показаться, что мы останавливаемся на этомъ предметѣ болѣе, чѣмъ это нужно для нашихъ непосредственныхъ цѣлей. Однако мы сдѣлали это вполне сознательно и намѣренно. Мы имѣли въ виду показать этимъ, какъ глубоко коренятся въ человѣческомъ духѣ тѣ силы, полный разцвѣтъ которыхъ дѣлаетъ его существомъ нравственнымъ, стремящимся къ универсальной гармоніи. И дѣйствительно, устраните стремленіе человѣческаго духа къ единству и къ гармоніи, и для него сдѣлаются невозможными самые элементарные процессы мысли. Содержаніе его сознанія должно превратиться въ хаосъ, о которомъ даютъ нѣкоторое понятіе душевныя болѣзни. Для него сдѣлается полною невозможностію всякое воспріятіе, самое простое и элементарное ощущеніе. Устраните объединяющую дѣятельность сознанія и жизнь духа погаснетъ въ тотъ же моментъ. Въ своемъ высшемъ развитіи это стремленіе преобразуется въ нравственныя побужденія. Оно какъ бы выходитъ за предѣлы личности. Въ чувствующей сторонѣ человѣческаго существа оно проявляется въ любви, стремящейся слить свою личность съ личностію другого. Какъ мы видѣли, условіемъ возникновенія любви является не бѣдность и недостатки человѣческой личности, а полнога и совершенства ея сила. Любовь изливается только изъ переполненнаго сердца. Она служитъ выраженіемъ активности и самодѣятельности человѣческаго духа, носящаго въ самомъ себѣ болѣе силъ, чѣмъ это нужно для удовлетворенія его личныхъ потребностей. Въ мыслящей сторонѣ человѣческаго существа стремленіе къ единству создаетъ идеалы всеобщей любви и гармоніи. Наконецъ, осуществившись въ его дѣятельности, оно преобразуетъ природу и общество для того, чтобы и внѣ человѣческой личности проявить основанъ законъ духовной жизни. Такимъ образомъ, нравственность не есть случайная черта въ человѣческой природѣ, которая можетъ и не принадлежать ей. Она не есть простой продуктъ борьбы за существованіе и

столкновенія эгоизмовъ. Она имѣеть свою основу въ самомъ коренномъ законѣ духовной жизни и служитъ выраженіемъ творческихъ способностей человѣка и его власти надъ природой“ (Быт. I, 28,—стр. 596, 597).

Такъ рѣшаются авторомъ его задачи—положительная и апологетическая.

Имѣя въ виду, что изъ философско-моральныхъ системъ авторъ со всею обстоятельностью остававливается на разборѣ тѣхъ, которыя пользуются вниманіемъ къ себѣ въ настоящее время, и что разборъ каждой изъ нихъ онъ сопоставляетъ съ ученіемъ Слова Божія и святоотеческаго ученія, мы можемъ, кажется, съ полнымъ правомъ характеризовать общее направленіе его книги, какъ осуществленіе начала, что *philosophia—apocilla theologiae*.

Для уясненія великаго значенія естественнаго нравственнаго закона въ жизни человѣческой, какое придаетъ ему богословіе, авторъ подъялъ на себя громаднѣйшій трудъ изученія, изложенія и разсмотрѣнія пользующихся лестнымъ вниманіемъ моральныхъ системъ и доказалъ, что въ этихъ системахъ далеко не все вѣрно, а вѣрно и согласно съ данными положительной науки лишь то, что стоитъ въ согласіи съ Словомъ Божиимъ и святоотеческимъ ученіемъ.

Трудъ, подъятый авторомъ для разрѣшенія этой задачи, есть добрый подвигъ его въ его служеніи наукѣ православнаго нравственнаго богословія.

Признаю автора вполне заслуживающимъ ученой степени магистра богословія“.

Справка. 1) По § 29 Положенія объ испытаніяхъ на ученые степени, „если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“. 2) По § 32 того же Положенія, „ищущіе степени магистра обязаны представить ректору академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 экземпляровъ напечатанной диссертации“, что и. д. доцента П. Поповымъ и исполнено“.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента академіи Ивана Попова къ защищенію его диссертации на степень магистра богословія. 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертации назначить ординарнаго профессора Николая Заозерскаго и экстраординарнаго про-

фессора Алексѣя Введенскаго. 3) Предоставить о. ректору академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ немъ постороннихъ лицъ.

VIII. Прошенія:

а) экстраординарнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завета, магистра богословія, Николая *Глубоковскаго*:

„Честь имѣю провить о припятіи къ разсмотрѣнію сочиненія моего „Благовѣстіе Св. Апостола Павла по его происхожденію и существу“ (СПБ. 1897) въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени доктора богословія“.

б) П. д. дѣлопроизводителя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидата богословія, Павла *Луппова*: „Препровождая при семъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Христіанство у Вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка“ для соисканія степени магистра богословія, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: § 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: Сочиненіе экстраординарнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи Николая *Глубоковскаго* передать для разсмотрѣнія сверхштатному преподавателю естественно - научной апологетики профессору Дмитрію *Голубинскому*, а сочиненіе кандидата богословія Павла *Луппова*—заслуженному ординарному профессору по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василю *Ключевскому*.

IX. Заявленіе о. ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о томъ, что вторыми рецензентами вышеозначенныхъ сочиненій онъ назначаетъ членовъ Совѣта—ординарныхъ профессоровъ Митрофана *Муретова* (сочиненія профессора Глубоковскаго) и Николая *Каптерева* (сочиненія кандидата Луппова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Записки ординарнаго профессора Николая Заозерскаго, доцента Анатоля Спасскаго и бібліотекаря Николая Колосова о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрести для академической бібліотеки.

Справка: I. Къ выпискѣ представлены слѣдующія книги:

- 1) Сводъ законовъ Россійской Имперіи послѣднихъ изданій.
- 2) *К. П. Побыдомосцевъ*. Курсъ гражданского права. 1896 (послѣднее изданіе).
(Проф. Н. Заозерскимъ).
- 3) Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа Константинопольскаго, 46 неизданныхъ писемъ. По афонскимъ рукописямъ издалъ *А. Панадопуло-Керамевсъ*. СПБ., 1896 г.
- 4) *Преображенскій*. Феодоръ Студитъ и его время. М., 1896 г.
- 5) *Иоаннъ, еп. Аксайскій*. Исторія вселенскихъ соборовъ. 1896 г.
- 6) *Spicilegium Casiense complectus analecta sacra profana....* Studio monachorum S. Benedicti. 1893.
- 7) *Callinici de vita S. Hypatii liber*. Ediderunt seminarii Bonnensis sodales. Lipsiae. 1895.
- 8) *Marci diaconi, vita Porphyrii, episcopi Gazensis*. Ediderunt societatis Bonnensis sodales. Leipzig. 1895.
- 9) *Ermoni*. De Leontio Byzantino et de ejus doctrina christologica. Paris. 1895.
- 10) *Ehrhard*. Die Legendensammlungen d. Symeon Metaphrastes und ihr ursprünglicher Bestand. 1896.
- 11) *Knecht*. Die Religionspolitik Kaiser Justinians I. Würzburg, 1896.
- 12) *Hippolyte Delehaye*. Stylites. Brussel, 1895.
- 13) *Emile Legrand*. Lettres de l'empereur Manuel Paleologue. Paris, 1894.
- 14) *Dieterich*. Die Grabiusschrift d. Abercios. Leipzig.
- 15) *Le Bourges*. Les martyrs de Rome d'après l'hist. et l'arch. chrét. 1897.
- 16) *Gaston de Baretel*. Des associations religieuses dans le bas empire. Paris, 1893.
- 17) *Guatuin*. Studies of Arianism. 1892.
- 18) *Bright*. History of the Church A. D. 313—451.
- 19) *Yeales*. Patriarchate of Antioch. 1873.
- 20) *Friedlander*. Das Judenthum in der vorchristlichen griechischen Welt. Wien.
- 21) *Schurer*. Die Juden in bosporanischen Reiche und die Genossenschaften d. *σεβόμενοι θρόν* (das Sitzungsberich. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin).
- 22) *Huffon*. The Church of the sixth centyry. London. 1897.

23) *Stephan Gsell*. Essai sur le regne de l' empereur Domitien (65 Fascikel der Bibliothéque de écoles francaies d' Athenes et de Rome). Paris, 1893.

24) *Рудкинъ*. Самоучитель англійскаго языка по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. СПб.

(Доцентомъ А. Спасскимъ).

25) *Б. П. Побѣдоносцевъ*. Московскій Сборникъ. Изд. 3-е, дополн. М., 1896.

26) *Его же*. Праздники Господни. Изд. 2. СПб. 1894.

27) *Ле-Пле*. Основная конституція человѣческаго рода. Изд. К. П. Побѣдоносцева.

28) *В. Р.* Очерки Привислянъ.

29) Памяти Императора Александра III. „*Старина и новизна*“. Историческій сборникъ.

30) Сборникъ матеріаловъ по исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Т. 2-й. Исторія русскихъ школъ въ Западномъ краѣ.

31) *Веневицкиновъ*. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г.г.

32) Журналъ „Медицинская Бесѣда“.

33) *Саввиатовъ*. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей. (Библиотекаремъ Н. Колосовымъ.)

II. Означенныхъ книгъ въ академической библіотекѣ не имѣется.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Николаю Колосову выписать означенныя въ запискахъ книги для академической библіотеки и о послѣдующемъ представить Правленію академіи.

XI. Прошеніе студента III курса академіи Василія *Кедрова*: „Вслѣдствіе разстроенаго состоянія здоровья (распуханіе шейныхъ железъ, сопровождаемое общимъ истощеніемъ организма), по представленію врача академической больницы, я былъ опущенъ на родину о. ректоромъ академіи ранѣе срока, именно 24 марта сего года. Въ настоящее время я не могу явиться въ академію для продолженія учебныхъ занятій, такъ какъ, по заявленію врачей, съ которыми я совѣтовался о своей болѣзни (именно ассистента Московской университетской клиники по внутреннимъ болѣзнямъ Ерофеева и орловскихъ врачей-Феноменова и Волкова), мнѣ необходимъ продолжительный отдыхъ, иначе можетъ от-

крыться пораженіе легкихъ. Донося объ этомъ, я осмѣливаюсь обратиться къ Совѣту академіи съ просьбою отложить мнѣ держаніе экзаменовъ до начала слѣдующаго учебнаго года“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи дозволить студенту Василию Кедрову, по вниманію къ дѣйствительно разстроенному состоянію его здоровья, держать устныя испытанія по всѣмъ предметамъ III курса послѣ лѣтнихъ каникулъ, во время имѣющихъ быть съ 16 августа по 1 сентября сего года приѣмныхъ испытаній.

XII. Прошенія студентовъ II курса Іосифа *Цисаря*, Леонида *Орлова* и Петра *Петрова* о разрѣшеніи имъ подать третье семестровое сочиненіе (по общей церковной исторіи), не представленное своевременно вслѣдствіе болѣзни, — во время лѣтнихъ каникулъ.

Опредѣлили: 1) Студенту II курса Іосифу Цисарю дозволить подать третье семестровое сочиненіе во время лѣтнихъ каникулъ. 2) Студентовъ Леонида Орлова и Петра Петрова обязать представить сочиненіе по общей церковной исторіи не позже 5 іюня сего года, предупредивъ ихъ, что въ случаѣ неисполненія сего постановленія они будутъ оставлены на повторительный курсъ.

XIII. Прошеніе студента II курса Евгенія *Пясецкаго*: „Такъ какъ въ 189³/₆ учебномъ году въ С.-Петербургской духовной академіи мною были пройдены читавшіеся тамъ курсы общей церковной исторіи, новой и русской гражданской исторіи, также исторіи философіи и при переходѣ на второй курсъ получены переводные баллы, то посему покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи освободить меня отъ испытаній по этимъ предметамъ, предстоящихъ студентамъ Московской академіи въ текущемъ учебномъ году. Вмѣстѣ съ тѣмъ честь имѣю покорнѣйше просить разрѣшить мнѣ держать экзаменъ по библейской исторіи и метафизикѣ—предметамъ, которые въ

С.-Петербургской академіи проходятся на второмъ курсѣ, а въ Московкой на первомъ“.

Опредѣлили: Освободить студента II курса Евгенія Пясецкаго отъ сдачи экзаменовъ по предметамъ, пройденнымъ имъ въ С.-Петербургской духовной академіи, разрѣшивъ ему, взаимѣнь того, держать испытанія по библейской исторіи и метафизикѣ вмѣстѣ съ студентами I курса Московской духовной академіи.

XIV. Пересмотрѣнные, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 19 фѣвраля текущаго года, послѣдовавшей на журналѣ Совѣта академіи за 31 января, коммиссіею изъ ординарныхъ профессоровъ Н. Каптерева и Г. Воскресенскаго и экстраординарнаго профессора А. Введенскаго *правила относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами академіи* по окончаніи каждаго учебнаго года, соотвѣтственно оказаннымъ ими успѣхамъ въ наукахъ:

I. По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ.

II. При распредѣленіи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основного, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендій на первомъ курсѣ, а именно: всѣ наличныя *казенныя* и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго.

III. Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, при чемъ въ случаѣ рѣзкаго повиженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишенъ стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ спискѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ спискѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности.

IV. Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которую пользовался.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи пересмотрѣнныхъ правилъ и о разрѣшеніи начать примѣненіе ихъ съ будущаго 1897—1898 учебнаго года.

XV. Разсуждали о принятіи мѣръ къ болѣе точному и единообразному исполненію § 122 устава духовныхъ академій, требующаго провѣрки преподавателями академіи въ теченіи учебнаго года степени вниманія студентовъ и усвоенія ими лекцій посредствомъ предлагаемыхъ имъ вопросовъ по прочитаннымъ отдѣламъ наукъ.

Опредѣлили: 1) Съ будущаго 1897—1898 учебнаго года признать сдачу репетицій по всѣмъ общеобязательнымъ и специальнымъ предметамъ, читаемымъ на томъ или другомъ курсѣ, обязательною для всѣхъ студентовъ академіи и уклонившихся отъ оной не допускать до переводныхъ испытаній. 2) Назначеніе времени и порядка производства репетицій предоставить усмотрѣнію гг. преподавателей академіи, но съ тѣмъ, чтобы они два раза въ годъ, предъ Рождествомъ Христовымъ и Пасхою, представляли о. ректору академіи, для сообщенія Совѣту, списки студентовъ съ баллами, полученными ими на репетиціяхъ. 3) При оцѣнкѣ познаній студентовъ по тому или другому предмету на переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ и составленіи разрядныхъ списковъ принимать во вниманіе и баллы, полученные ими на репетиціяхъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 27. Статьи I, II, III и IX смотрѣны; опредѣленія по статьямъ IV, VI, VII, VIII, X и XIII привести въ исполненіе; постановленное въ статьяхъ V, XII и XIV утверждается; испрашиваемое въ статьѣ XI разрѣшается. — Что постановлено относительно репетицій (ст. XV), допустить на слѣдующій учебный годъ въ видѣ опыта“.

15 мая 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены

Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: П. Цвѣткова, В. Соколова, В. Кипарисова и А. Введенскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, и П. Корсунскаго, не присутствовавшаго по семейнымъ обстоятельствамъ.

Въ собраніи семъ учитель Починковскаго духовнаго училища, кандидатъ богословія, Никандръ *Тихоміровъ* защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе“. С.-Петербургъ, 1896 года. Официальными оппонентами были: заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василій Ключевскій и ординарный профессоръ по кафедрѣ церковнаго права Николай Заозерскій.

По оковчаніи коллоквиума, ректоръ академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ большинствомъ голосовъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: §§ 136 и 81 лит. в. п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи кандидата богословія Никандра Тихомірова въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшей Синодъ по экземпляру диссертациі кандидата Тихомірова и копія съ отзывовъ о ней профессоровъ Василія Ключевскаго и Николая Заозерскаго.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 27. Представить“.

16 мая 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ В. Ключевскаго, П. Цвѣткова и В. Кипарисова, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Московской духовной академіи по кафедрѣ патристики, кандидатъ богословія, Иванъ *Поповъ* защищалъ представлен-

ную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Естественный нравственный законъ“, Сергіевъ посадъ, 1897 г. Официальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣй Введенскій и ординарный профессоръ по кафедрѣ церковнаго права Николай Заозерскій.

По окончаніи коллоквиума, ректоръ академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациіи удовлетворительною.

Справка: §§ 136 и 81 лит. в. п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента академіи, кандидата богословія, Ивана Попова въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациіи кандидата Ивана Попова и копіи съ отзывовъ о ней профессоръ Алексѣя Введенскаго и Николая Заозерскаго.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 27. Исполнить“.

6 іюня 1897 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи кромѣ профессоровъ В. Кипарисова и А. Введенскаго, находящихся въ отпуску.

Слушали: I. а) Внесенные предѣдателями комиссіи, производившихъ испытанія студентовъ I курса академіи, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытанія ихъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ, оказалось, что изъ 46 студентовъ I курса 30 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не менѣе 4, 15—не менѣе 3. Студентъ Иванъ Пампуловъ, болгарскій уроженецъ, не держалъ устнаго испытанія по французскому языку. Балла ниже 2 по одному предмету, или двухъ балловъ ниже $2\frac{1}{2}$, а также балла $2\frac{1}{2}$ по тремъ предметамъ не получалъ ни одинъ студентъ I курса. Сту-

дентъ Иванъ Ѳедоровъ на устномъ испытаніи по метафизикѣ и логикѣ получилъ балъ 4—.

б) Представленный о. инспекторомъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритомъ Арсеніемъ списокъ студентовъ I курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію. Въ этомъ списокѣ поведеніе 41 студента обозначено балломъ 5 и 5 студентовъ (Братановскаго Александра, Бутомо Павла, Другова Александра, Шувалова Дмитрія и Ѳедорова Ивана) балломъ 5—.

в) Прошеніе студента I курса, болгарскаго уроженца, Ивана Пампулова: „Вслѣдствіе того, что учебный годъ у меня былъ очень кратокъ (съ ноября мѣсяца 1896 года), я, изучая русскій, греческій и еврейскій языки, не успѣлъ изучить французскій языкъ настолько, чтобы сдавать по нему экзамень въ маѣ мѣсяцѣ. Покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи дозволить мнѣ сдать испытаніе по означенному предмету въ слѣдующемъ учебномъ году“.

Справка: 1) По §§ 132—133 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію.... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. Примѣчаніе. При составленіи списка новые языки нѣ общей счетъ предметовъ не вводятся“. 2) Правиль касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи § 4: „О студентѣ, получившемъ баллъ ниже 2 по одному предмету, или два балла ниже $2\frac{1}{2}$, или, наконецъ, баллъ $2\frac{1}{2}$ по тремъ предметамъ доносится Совѣту академіи, который, принявъ въ соображеніе всѣ имѣющіяся о данномъ студентѣ свѣдѣнія, входитъ въ сужденіе о томъ, оставить ли его въ академіи, или уволить по неуспѣшности“. 3) Рекомендованному къ поступленію въ академію правленіемъ Воронежской духовной семинаріи студенту Ивану Ѳедорову, получившему на устномъ повѣрочномъ испытаніи по логикѣ и начальнымъ основаніямъ философіи неудовлетворительный баллъ (2—), при отличныхъ и очень хорошихъ отмѣткахъ по всѣмъ прочимъ предметамъ повѣрочнаго испытанія и сочиненіямъ, Совѣтомъ академіи, по опредѣленію отъ 6 сентября 1896 года, вмѣнено въ обязанность

сдать экзамень по означеннымъ наукамъ въ концѣ текущаго учебнаго года и постановлено имѣть о переводѣ его съ I-го курса академіи на II-й особое сужденіе. 4) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ $\frac{11}{9}$ Мартъ-Апрѣля 1869 года, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, постановлено: „поставить въ извѣстность начальствамъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы они поступающимъ въ эти заведенія иностранцамъ оказывали возможное снисхожденіе какъ на пріемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣсняясь требованіями уставовъ сихъ заведеній“. 5) По § 81 лит. а пп. 4—5 устава духовныхъ академій „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній и переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I курса, перевести всѣхъ ихъ въ слѣдующій, II-й, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) Мишина Петра, Малинина Алексѣя, Приклонскаго Николая, Бондаря Симеона, 5) Волосова Егора, Нарскаго Николая, Платонова Александра, Зерцалова Григорія, Бугославскаго Петра, 10) Левицкаго Павла, Максимова Василия, Любомудрова Георгія, Смирнова Алексѣя, Попова Юсифа, 15) Румянцова Николая, Граціанскаго Дмитрія, Смирнова Сергѣя, Фаминскаго Николая, Братановскаго Александра, 20) Успенскаго Павла, Третьякова Василия, Стыранкевича Виталия, Суворовскаго Александра, Арбекова Николая, 25) Шипулина Владиміра, Артамонова Петра, Рудакова Ивана, Червинскаго Агаоона, Протопопова Петра, 30) Піотуховича Евстаоія, Алексинскаго Оедора, Оедоровскаго Всеволода, Оедорова Ивана, Бутомо Павла, 35) Соболева Александра, Купленскаго Александра, Зеленцова Василия, Ивановскаго Михаила, Другова Александра, 40) Бѣляева Владиміра, Грузинова Паренія, Шувалова Дмитрія, Лилеева Михаила, Поповича Савву, Величкина Николая и 46) Пампулова Ивана. 2) Болгарскому уроженцу Ивану Пампулову дозволить сдать устное испытаніе по французскому языку въ слѣдующемъ учебномъ году.

II. а) Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ II курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытанія, и сочине-

нiямъ, написаннымъ ими въ теченiе учебнаго года. По разсмотрѣнiи сихъ списковъ оказалось, что изъ 55 студентовъ 2 курса 45 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненiямъ баллъ не менѣе 4, 9—не менѣе 3. Студентъ Юсифъ Цисарь не представилъ третьяго семестроваго сочиненiя по общей церковной исторiи. Балла ниже 2 по одному предмету, или двухъ балловъ ниже $2\frac{1}{2}$, а также балла $2\frac{1}{2}$ по тремъ предметамъ не имѣетъ ни одинъ студентъ II курса.

б) Представленный о. инспекторомъ академiи архимандритомъ Арсенiемъ списокъ студентовъ II курса съ обозначенiемъ балловъ по ихъ поведенiю. Въ этомъ списокѣ поведенiе 43 студентовъ обозначено балломъ 5, 11 студентовъ (Владимiрскаго Ѳеодора, Кохановича Ѳеодора, Масина Павла, Орлова Леонида, Пясецкаго Евгонiя, Ринка Евграфа, Румницкаго Алексѣя, Самецкаго Василия, Старокотлицкаго Константина, Харламова Василия и Якубовскаго Полiевкта) балломъ 5— и одного студента (Петрова Петра) балломъ 4+.

Справка: 1) По опредѣленiю Совѣта академiи отъ 30 апрѣля текущаго года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, студенту Юсифу Цисарю дозволено представить третье семестровое сочиненiе во время лѣтнихъ каникулъ. 2) Студентъ Петровъ Петръ, имѣющiй баллъ по поведенiю 4+, долженъ быть пониженъ въ разрядномъ списокѣ на 5 № №.

Опредѣлили: 1) Припимая во вниманiе сравнительное достоинство сочиненiй, устныхъ отвѣтовъ и поведенiя студентовъ II курса, перевести ихъ въ слѣдующiй, III-й, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) Петровыхъ Ивана, Пясецкаго Евгения, Орлова Константина, Семенова Павла, 5) Пѣшкова Петра, Соколова Александра, Молчанова Павла, Остроумова Николая, Соколова Виктора, 10) Владимiрскаго Ѳеодора, Пшеничникова Николая, Сироткина Евграфа, Говядовскаго Ивана, Ринка Евграфа, 15) Островскаго Дмитрiя, Чистосердова Сергѣя, Соколова Петра, Боявленскаго Николая, Виноградова Василия, 20) Петропавловскаго Александра, Блещенкова Герасима, Крестiанполя Никанора, Якубовскаго Полiевкта, Старовѣрова Гавриила, 25) Разумѣва Ѳеодора, Смирнова Алексѣя, Старокотлицкаго Константина, Шаповаленко Григорiя, Егорова Николая, 30) Никанорова Ивана, Кохановича Ѳеодора, Гри-

горьева Николая, священника Голубятникова Сергія, Волнина Николая, 35) Пекрасова Ивана, Харламова Василя, Самецкаго Василя, Славскаго Владимира, Ротара Ивана, 40) Предтечевскаго Василя, Румницкаго Алексѣя, Богословскаго Георгія, Строганова Павла. Орлова Леонида, 45) Масина Павла, Луневскаго Николая, Вержболовича Вячеслава, Покровскаго Александра, Богданова Николая, 50) Кириако Евстратія, Кушевича Ксенофонта, Германиди Ивана, Петрова Петра и 54) Мелиссари Стефана. II. Прочес принять къ свѣдѣнію.

III. а) Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ III курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣннн снхъ списковъ оказалось, что изъ 54 студентовъ III курса 47 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не ниже 4, 5—не менѣе $3\frac{1}{2}$. Студентъ Василій Протопоновъ не держалъ устнаго испытанія по педагогикѣ, а студентъ Василій Кедровъ по всѣмъ предметамъ III курса. Балла ниже 2 по одному предмету, или двухъ балловъ ниже $2\frac{1}{2}$, а также балла $2\frac{1}{2}$ по тремъ предметамъ не имѣетъ ни одинъ студентъ III курса.

б) Представленный о. инспекторомъ академіи архимандритомъ Арсеніемъ списокъ студентовъ III курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію. Въ этомъ списокѣ поведеніе 42 студентовъ обозначено балломъ 5, 9 студентовъ (Бѣлавенцева Семена, Воскресенскаго Анатоля, Державина Николая, Заозерскаго Александра, Луговскаго Александра, Преображенскаго Ивана, Серебрянскаго Николая, Славскаго Александра и Солодовникова Вячеслава) — балломъ 5—, 2 студентовъ (Лебедева Дмитрія и Туркевича Вендикта) — балломъ 4+ и 1 (Багрецова Леонида) — балломъ 4.

в) Прошеніе на имя о. ректора академіи студента III курса Василя Протопонова: „По болѣзни я не могъ своевременно сдать экзамена по педагогикѣ и теперь нахожусь въ академической больницѣ, гдѣ продолжаю свое леченіе; поэтому покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Высокопреподобіе, позволить мнѣ держать означенный экзаменъ послѣ лѣтнихъ вакацій, въ августѣ мѣсяцѣ“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января

1891 года за № 212 Совѣту академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ—каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства. 2) Согласно ходатайству Совѣта академіи отъ 30 апрѣля текущаго года студенту Василию Кедрову Его Высокопреосвященствомъ разрѣшено держать устныя испытанія по всѣмъ предметамъ III курса послѣ лѣтнихъ каникулъ. 3) Студенты Лебедевъ Дмитрій, Туркевичъ Венедиктъ и Багрецовъ Леонидъ должны быть понижены въ разрядномъ спискѣ на 5 №№ каждый, какъ имѣющіе по поведенію баллъ 4.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ III курса, перевести ихъ въ слѣдующій, IV-й, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) Каптерева Бориса, Заозерскаго Александра, Введенскаго Дмитрія, Горчукова Мирона, 5) Малахова Василия, Свѣтлова Анатоля, Бачалдина Ивана, Казакова Павла, Постникова Александра, 10) Шіанова Евгенія, Сперанскаго Якова, Овсіевскаго Владиміра, Доброленскаго Павла, Воскресенскаго Анатоля, 15) Смирнова Ивана, Кедринскаго Михаила, священника Добросердова Іоанна, Смирнова Сергѣя, Булгакова Дмитрія, 20) Шелютто Михаила, Соколовскаго Николая, Сахарова Ивана, Ухтомскаго Алексѣя, Дмитревскаго Ивана, 25) Нарбекова Ксенофонта, Славскаго Александра, Сахарова Петра, Луговскаго Александра, Модестова Александра, 30) Рождественскаго Василия, Стеблева Михаила, Пискарева Александра, Калюцкаго Валеріана, Лапина Евгенія, 35) Бѣлавенцева Семена, Тарасова Ивана, Державина Николая, Серебрянскаго Николая, Нарбекова Николая, 40) Солодовникова Вячеслава, Каптерова Михаила, Измайлова Владиміра, Преображенскаго Ивана, Яржемскаго Георгія, 45) Смирнова Сергѣя 5-го, Крылова Сергѣя, Шаміа Александра, Лобанова Павла, Спасоевича Янко, 50) Туркевича Венедикта, Лебедева Дмитрія и 52) Багрецова Леонида. II). Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи дозволить студенту Василию Протопопову сдать устное испытаніе по педагогикѣ послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ. III). Прочее принять къ свѣдѣнію.

IV. а) Внесенные председателями комиссій, производивших испытанія студентовъ IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годовичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. По разсмотрѣніи сихъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 63 студентовъ IV курса 19 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 32—не менѣе 4 и 4—не менѣе 3. Студенты Вознесенскій Николай, Надеждинъ Христофоръ, Орловъ Никаноръ, Подобѣдовъ Сергѣй, Пресображенскій Николай, Рубинъ Николай, Смирновъ Гавріиль и Савабини Панаіотъ не представили кандидатскихъ сочиненій.—Студентами, имѣющими въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ ниже 4, къ каковымъ долженъ быть причисленъ и студентъ Панаіотъ Савабини, не представившій кандидатскаго сочиненія, получены за четыре года академическаго курса слѣдующіе не вполне удовлетворительныя баллы: а) *Миловидовымъ Викторомъ*: на устныхъ испытаніяхъ по церковной археологіи и литургикѣ и психологіи и на семестровомъ сочиненіи по метафизикѣ—3—; б) *Достойновымъ Яковомъ*: на устныхъ испытаніяхъ по церковной археологіи, литургикѣ и психологіи и на семестровомъ сочиненіи по исторіи русскаго раскола—3—; в) *Поповичемъ Михаиломъ*: на устныхъ испытаніяхъ по педагогикѣ и новой гражданской исторіи и на семестровыхъ сочиненіяхъ по пастырскому богословію и русской гражданской исторіи—3—; г) *гермономъ Дамаскиномъ*: на устныхъ испытаніяхъ: по нравственному богословію, патристикѣ, общей церковной исторіи и педагогикѣ—3—; метафизикѣ и психологіи— $2\frac{1}{2}$, и на семестровыхъ сочиненіяхъ: по пастырскому богословію и русской гражданской исторіи—3—, метафизикѣ и исторіи философіи— $2\frac{1}{2}$, и древней гражданской исторіи—2; д) *Савабини Панаіотомъ*: на устномъ испытаніи по психологіи—2 и на семестровомъ сочиненіи по исторіи философіи—3—.

б) Отзывы преподавателей академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 55 студентовъ III-го курса:

1. И. д. доцента Павла Тихомирова о сочиненіи сту-

дента *Абрютина Владимира* на тему: „Судъ ветхозавѣтныхъ евреевъ“:

„Кромѣ введенія, содержащаго опредѣленіе суда (стр. 3—4) и указывающаго историческое значеніе еврейскаго суда (стр. 4—16), современное значеніе вопроса о еврейскомъ судѣ (стр. 16—23), научное положеніе этого вопроса (стр. 23—29), методъ (стр. 29—31), планъ (стр. 31) и источники (стр. 32) изслѣдованія, г. Абрютинъ далъ въ своемъ сочиненіи четыре главы: о судѣ во времена еврейскихъ патріарховъ (стр. 33—114), о судѣ во времена еврейскихъ старѣйшинъ (стр. 115—160), о судѣ по законамъ Моисея (стр. 161—292) и о судѣ по Талмуду (стр. 293—432). Последняя изъ этихъ главъ совершенно компилятивнаго характера. Въ трехъ же первыхъ главахъ авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ Библией и съ рекомендованными ему пособіями. Въ последнемъ отношеніи отъ него, впрочемъ, можно было бы потребовать бѣльшей аккуратности. Цитація у г. Абрютина не всегда исправна. Напр. на стр. 8 митрополитъ Макарій попалъ у него въ французскіе писатели (онъ цитируетъ „Introduction a la theologie orthodoxe“ de *Macaire*, p. 381); цитаты святоотеческія, по большей части, заимствованы изъ иностранныхъ пособій; иногда вмѣсто цитата стоитъ только половина имени автора и не указывается ни сочиненія, ни страницы (напр. на стр. 131); иногда остается неизвѣстнымъ, на какомъ языкѣ читалъ онъ извѣстную книгу (напр. на стр. 53 цитируется: *Гер. Спенсеръ*, *Princ. sociol. I, 724 etc.*).— Но во всякомъ случаѣ сочиненіе г. Абрютина показываетъ въ немъ достаточную способность разбираться въ историческихъ и литературныхъ данныхъ и достаточное трудолюбіе. Языкъ сочиненія, въ общемъ очень удовлетворительный, по мѣстамъ страдаетъ безъ надобности высокимъ стилемъ, приподнятымъ и высиреннымъ тономъ. Степени кандидата богословія я нахожу автора вполне заслуживающимъ. Со стороны направленія сочиненіе совершенно безупречно, ибо ничего противнаго интересамъ православія не содержитъ“.

2. И. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента *Альбова Вениамина*: „Значеніе греческой философіи для развитія понятій о Богѣ и человѣкѣ“:

„Сочиненіе г. Альбова состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ изслѣдованія.

Въ краткомъ вступленіи (1—6 стр.) авторъ указываетъ на то, что греческая философія, стремясь выработать цѣльное міровоззрѣніе, неизбежно должна была заниматься изслѣдованіемъ существенныхъ вопросовъ философіи о Богѣ и человѣкѣ и рѣшать ихъ такъ или иначе, сообразно съ степенью своего развитія, — и что какъ „философія въ дѣломъ есть постепенное движеніе отъ несовершенныхъ системъ къ болѣе совершеннымъ, отъ слабыхъ намековъ на истину къ болѣе полному ея раскрытію; такъ и въ рѣшеніи ея вопросовъ о Богѣ и человѣкѣ мы можемъ замѣтить ту же постепенность, тотъ же переходъ отъ несовершенныхъ понятій къ болѣе совершеннымъ“; затѣмъ, сказавъ о томъ, въ какомъ отношеніи находились между собою народная религія и философія у грековъ, авторъ опредѣляетъ задачу и порядокъ своего изслѣдованія.

Въ *первой* главѣ (6—17) авторъ дѣлаетъ краткую характеристику религіозныхъ вѣрованій греческаго народа и его понятій о человѣкѣ, его происхожденіи, тѣлѣ и душѣ и о загробной жизни—около того времени, когда у грековъ обнаружилось пробужденіе философской мысли и явились попытки внести нѣкоторую связь и единство въ безсвязныя и разнообразныя религіозныя представленія народа.

Вторая глава (17—99) посвящена изложенію ученія о Богѣ и человѣкѣ философовъ перваго періода отъ Фалеса до Сократа. Сдѣлавъ общую краткую характеристику философіи этого времени, авторъ даетъ подробное изложеніе ученія о Богѣ и человѣкѣ философовъ іонійской школы, Ксенофана, Парменида и др. элеатовъ, потомъ Гераклита, Пифагорейцевъ, Эмпедокла, Демокрита, Анаксагора и въ концѣ главы дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о софистахъ, составлявшихъ переходную ступень отъ перваго натуралистическаго періода греческой философіи ко второму антропологическому.

Въ *третьей* главѣ (99—195) авторъ излагаетъ ученіе о Богѣ и человѣкѣ философовъ, бывшихъ виновниками и представителями процвѣтанія греческой философіи—Сократа, Платона и Аристотеля. Подробно раскрывая ученіе этихъ философовъ, авторъ не разъ отмѣчаетъ какъ особенность

этого періода греческой философіи сравнительно съ первымъ то, что не только ученіе о Богѣ, но и ученіе о человѣкѣ раскрыто у этихъ философовъ съ значительною ясностью, основательностью и возвышенностью. Излагая ученіе каждаго изъ указанныхъ философовъ, авторъ старается показать не только преимущества ихъ ученія предъ ученіемъ философовъ предшествующаго періода, не только общіе имъ всѣмъ взгляды, но и особенности каждаго изъ нихъ въ ученіи о Богѣ и человѣкѣ.

Послѣ изложенія ученія Сократа, Платона и Аристотеля о Богѣ и человѣкѣ, авторъ подводитъ итоги того, что сдѣлано философіею этого періода для раскрытія этого ученія, и указываетъ на то, что философія въ это время пришла къ сознанию того, что Богъ есть чистый духъ, свободный отъ всего матеріальнаго, самосознательная личность, есть существо премірное, самодовольное, независимое отъ вселенной, всеблагое. Но мысль о Богѣ, какъ Творцѣ міра изъ ничего, осталась совершенно чуждою греческой философіи.—Что касается ученія о человѣкѣ, то и оно въ продолженіе этого періода получило значительно полное и основательное раскрытіе; въ это время философія пришла къ сознанию, что душа человѣка не есть матеріальное существо, но есть духъ, существенно отличающійся отъ тѣла, имѣетъ божественное происхожденіе, обладаетъ умомъ, самосознаніемъ, свободою воли, и предназначена, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, къ безсмертію. Въ то же время написаны были философскія нравственныя системы, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы о цѣли и смыслѣ чело-вѣческой жизни, о верховномъ благѣ, опредѣлялись обязанности человѣка въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи къ членамъ гражданскаго общества и семьи. Авторъ показываетъ здѣсь, до какой высоты могъ подняться предоставленный своимъ силамъ разумъ чело-вѣческой въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Но воздавая должное философамъ, авторъ не увлекается ими, не впадаетъ въ крайности и преувеличенія при оцѣнкѣ ихъ ученія, но безпристрастно и вполне справедливо отмѣчаетъ многія погрѣшности и заблужденія, въ которыя впадали и лучшіе представители греческой философіи при рѣшеніи упомянутыхъ вопросовъ.

Въ *последней* главѣ (195—212) авторъ очень кратко говоритъ о состояніи и направленіи греческой философіи послѣ Аристотеля. Это время было временемъ упадка философіи вообще; упадокъ этотъ замѣтенъ и въ ученіи о Богѣ и человѣкѣ. Въ это время философія не только не дѣлаетъ шага впередъ, напротивъ возвращается къ воззрѣніямъ досократовской философіи, — отрицаетъ, напр., духовность и личность божества и человѣческой души и вообще возвращается къ пантеизму и матеріализму. Свою характеристику этого періода философіи авторъ подтверждаетъ изложеніемъ ученія о Богѣ и человѣкѣ *стоиковъ*, возвратившихся къ воззрѣніямъ Гераклита, и *эпикурейцевъ*, положившихъ въ основу своей системы ученіе Демокрита. Въ последующее затѣмъ время философія дошла до того, что потеряла довѣріе къ силамъ человѣческаго мышленія и усумнилась въ способности человѣка къ познанію истины. Вслѣдствіе этого одни изъ философовъ, утративъ надежду на возможность познать истину силами своего ума, впали въ скептицизмъ, другіе стремились достигнуть истины не путемъ раціональнаго ея изслѣдованія, а путемъ непосредственнаго созерцанія Божества и приходили къ убѣжденію, что люди не въ состояніи познать Бога, если Самъ Онъ не откроетъ имъ Себя.

Цѣль своего изслѣдованія авторъ поставляетъ въ томъ, чтобы „выяснить, что сдѣлала греческая философія для развитія понятій о Богѣ и человѣкѣ, точнѣе: въ какомъ положеніи она застала эти понятія ко времени своего возникновенія, какъ постепенно складывались собственно философскія понятія о Богѣ и человѣкѣ и каковы были эти понятія, что было въ нихъ новаго, цѣннаго“ (5 стр.). Сдѣланное нами изложеніе содержанія разсматриваемаго сочиненія показываетъ, что авторъ постоянно имѣлъ въ виду намѣченную имъ цѣль. Для достиженія ея, прежде чѣмъ приступить къ изображенію историческаго развитія философскаго ученія о Богѣ и человѣкѣ, авторъ кратко, но довольно отчетливо изложилъ тѣ понятія о Богѣ и человѣкѣ, какія были у грековъ до возникновенія у нихъ философіи, и указалъ существенные недостатки въ народныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ, вызвавшіе дѣятельность философской мысли и послужившіе предметомъ философской

критики; и затѣмъ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ, какъ благодаря мыслительной дѣятельности философовъ у образованнѣйшихъ грековъ постепенно очищались и совершенствовались понятія о высочайшемъ Существовѣ, мірѣ и чело-вѣкѣ, какъ лучшіе люди Греціи отъ многобожія мало по малу приходили къ мысли о единомъ Богѣ, какъ ихъ поня-тія о Немъ очищались и одухотворялись и по своему содер-жанію становились въ значительное соотвѣтствіе съ духов-ной и всесовершенной природой Божества, и какъ усовер-шенствованіе понятія о Богѣ содѣйствовало возвышенію взгляда на чело-вѣка. Авторъ раскрываетъ ходъ развитія этихъ понятій настолько обстоятельно, что читатель его сочиненія можетъ получить удовлетворительныя свѣдѣнія не только о томъ, что сдѣлано тѣмъ или другимъ филосо-фомъ для раскрытія ученія о Богѣ и чело-вѣкѣ, но и о томъ, какихъ результатовъ достигла греческая философія въ этомъ отношеніи за все время своего существованія. Все это слѣдуетъ поставить въ заслугу автору и отнести къ достоинствамъ его сочиненія. Къ этому надобно прибавить то, что сочиненіе его написано стройно, языкомъ точнымъ и яснымъ; не смотря на то, что автору постоянно приходилось излагать и разбирать ученія различныхъ филосо-фовъ, сочиненіе не загромождено туманными философскими фразами и читается легко.

Что касается недостатковъ разсматриваемаго сочиненія, то они состоятъ: 1) въ излишней краткости, съ которою изложено въ послѣдней главѣ ученіе стоиковъ, эпикурей-цевъ и неоплатониковъ о Богѣ и чело-вѣкѣ, и 2) въ несо-отвѣтствіи этой главы, свидѣтельствующей объ упадкѣ гре-ческой философіи, мыслямъ автора о постепенномъ движе-ніи философіи отъ несовершенныхъ понятій и системъ къ болѣе совершеннымъ (стр. 3).

Впрочемъ, указанные недостатки сочиненія не препят-ствуютъ признать автора его заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

3. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Березовскаго Николая*: „Святый Игна-тій Богоносецъ и его посланія къ Траллійцамъ и Римля-намъ“:

„Сочиненіе г. Березовскаго состоитъ изъ краткаго преди-

словія (стр. I—IV), части I-й (1—120) и II-й (стр. 121—288) содержанія, изъ коихъ каждая дѣлится на двѣ главы, и изъ приложенія (стр. 289—315). Въ предисловіи авторъ указываетъ на составъ и общій характеръ содержанія своего труда и перечисляетъ важнѣйшія пособія, которыми онъ пользовался. Въ 1-й главѣ (стр. 1—52) I-й части говоритъ о жизни и мученической кончинѣ Св. Игнатія Богоносца, во 2-й главѣ (стр. 53—120) той-же части разсуждаетъ о посланіяхъ Св. Игнатія: ихъ происхожденіи, дальнѣйшей исторіи и рѣшаетъ вопросъ объ ихъ подлинности. Вся вторая часть имѣетъ „характеръ спеціальнѣй“, какъ говоритъ авторъ, т. е. посвящена разсмотрѣнію внѣшней стороны посланій,—ихъ стила и языка. И именно въ 1-й главѣ этой части авторъ говоритъ о стилѣ посланія и его языкѣ вообще (стр. 121—153), а во 2-й—о лексической сторонѣ дѣла (стр. 154—174), о терминологіи посланій (стр. 175—252) и особенно замѣчательныхъ словахъ: *χριστιανός* и *χριστιανισμός* (стр. 253—288). Приложеніе рѣшаетъ вопросъ о подлинности мученическихъ актовъ, по которымъ изложены авторомъ обстоятельства кончины Св. Игнатія.

Авторъ вѣрно понялъ задачу предстоявшаго ему труда, и хоть въ выполненіи ея не достигъ совершенства какъ по самой постановкѣ дѣла, такъ и по обработкѣ подробностей, не избѣжавъ и разныхъ мелкихъ недостатковъ въ отдѣльныхъ сужденіяхъ (каковы: невѣрность мыслей—стр. 138 примѣч., 141, 180; малодоказательность, напр. стран. 96—98—о существованіи обычая отдавать на растерзаніе звѣрями, въ видѣ наказанія, раньше Траяна, и др.) и изложеніи (не обдуманная какъ слѣдуетъ выраженія—стр. 35, 39, 112, 115 и др., употребленіе иностранныхъ словъ, которыя легко было бы замѣнить русскими—стран. 113, 190, 282 и др.), однако приложилъ все возможное для него стараніе къ наиболѣе успѣшному достиженію цѣли своей. Въ первой, предварительной, такъ сказать, части своего труда, къ которой должно отнести и приложеніе, авторъ излагаетъ дѣло сжато, внося только существенно необходимое, а подробности оставляя для подстрочныхъ примѣчаній, причемъ твердо стоитъ на почвѣ православнаго взгляда на предметъ (напр. по вопросу о подлинности посла-

ній Св. Игнатія). Напротивъ, во второй, важнѣйшей, въ виду задачи труда, части сего послѣдняго г. Березовскій излагаетъ дѣло и обстоятельно, и основательно. Особенно много труда,—и труда не напраснаго,—положено имъ на раскрытіе терминологіи посланій Св. Игнатія въ ученіи о Богѣ (стр. 175—184), о лицѣ Господа Иисуса Христа (стр. 185—199), о церкви и іерархіи (стр. 199—212) и т. д., причѣмъ авторъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію и сравнительному анализу не только всѣ другія, кромѣ упомянутыхъ въ заглавіи его сочиненія, посланія Св. Игнатія, но и другія произведенія церковной и свѣтской письменности тѣхъ временъ. Степени кандидата богословія сочиненіе г. Березовскаго вполне заслуживаетъ“.

4. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента діакона *Березкова Іоанна*: „Бытъ и нравы древне-русскаго общества по поученіямъ древне-русскихъ проповѣдниковъ (XI—XVI в.)“—:

„Сочиненіе о. Березкова состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Планъ совершенно естественный. Во введеніи онъ указываетъ стороны, подлежащія изслѣдованію, задачу его, матеріалы и ихъ достоинство какъ источника. 1 глава посвящена обзорѣ пережитковъ язычества въ древней христіанской Руси. 2 глава описываетъ религіозные обычаи и нравы, созданные христіанской религіей. Въ 3 главѣ излагаются семейный бытъ и нравы, въ 4—общественный бытъ и нравы. Въ приложеніи къ сочиненію помѣщены тринадцать интересныхъ словъ и отрывковъ, извлеченныхъ изъ рукописей нашей академіи. Вся работа автора отмѣчена характеромъ безукоризненной тщательности. Планъ, подборъ матеріала, цитация—все образцово. Въ содержаніи сочиненія есть нѣкоторые недостатки. Авторъ знаетъ, что древне-русская проповѣдь носитъ слѣды литературной зависимости отъ византійской письменности. При изображеніи нравовъ ему встрѣчается отдѣлъ, на которомъ эта зависимость сказалась особенно ярко,—отрицательный взглядъ на женщину. Обязанностью автора было разъяснить, что характеристика женщины въ изучаемыхъ имъ памятникахъ не отражала дѣйствительности, выдѣлить показанія, свободныя отъ этого литературнаго вліянія, или же, если этого сдѣлать нельзя, игнорировать эти показанія. Однимъ сло-

вомъ, авторъ долженъ былъ здѣсь стать въ положеніе критика, чего онъ не сдѣлалъ. Есть мелкія погрѣшности въ толкованіи показаній; видно по мѣстамъ недостаточное знаніе постороннихъ предметовъ.—Но въ общемъ и по содержанію сочиненіе очень хорошее. Авторъ немногословно и дѣльно нарисовалъ картину древне русскихъ нравовъ, которая по мѣстамъ достигаетъ яркости и полной отчетливости. Особенно хороши у него первая и послѣдняя главы. Языкъ сочиненія, вообще хорошій, по мѣстамъ становится художественнымъ, когда авторъ удачно пользуется мѣткими изреченіями изученныхъ имъ памятниковъ.

Въ общемъ сочиненіе о. Бережкова заслуживаетъ похвалы⁴.

5. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бонина Григорія*: „Система обличенія русскаго раскола по сочиненіямъ покойнаго отца архимандрита Павла Прусскаго“:

„Полемическія (противъ раскола) сочиненія покойнаго о. архим. Павла (Прусскаго) справедливо признаются образцовыми какъ по богатству своего полемическаго содержанія, такъ и по методу раскрытія этого содержанія, и потому заслуживаютъ тщательнаго и всесторонняго изученія. Опытъ такого изученія и долженъ былъ представить въ своемъ сочиненіи г. Бовинъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы изложить или хотя бы привести въ буквальныхъ выдержкахъ, но въ строго-обдуманной и выведенной изъ самого изучаемаго матеріала системѣ все существенное полемическое содержаніе сочиненій о. архим. Павла, предпославъ такому изложенію, въ качествѣ введенія или вступительной главы, общую характеристику полемическихъ трудовъ о. Павла со стороны ихъ метода и содержанія. Авторъ разсматриваемаго сочиненія выполнялъ эту задачу съ достаточнымъ усердіемъ, но не съ желаемымъ успѣхомъ: его система, съ которой онъ старается расположить (преимущественно въ видѣ буквальныхъ выдержекъ) полемическій матеріалъ сочиненій о. Павла, не отличается полной отчетливостью, а предварительный общій очеркъ, посвященный характеристикѣ полемики о. Павла, менѣе удовлетворителенъ чѣмъ все остальное. Но трудъ автора, направленный на изученіе довольно многочисленныхъ сочиненій покой-

наго полемиста, все-таки виденъ, и онъ представляется достаточнымъ для того, чтобы признать за авторомъ право на получение искомой степени“.

6. Экстраординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Борисоглѣбскаго Ивана*: „Послѣ-потопное расселеніе человѣческихъ племенъ“:

„Въ послѣднее время на Западѣ въ протестантской и отчасти въ католической богословской литературѣ появились своеобразныя гипотезы о происхожденіи человѣческихъ племенъ, отчасти эти гипотезы проникли и къ намъ. Оставаясь на почвѣ вѣры въ богодухновенность Библии, авторы этихъ гипотезъ настаиваютъ на томъ, что современныя расы произошли не отъ Ноя только, что во время потопа погибло далеко не все существовавшее тогда человѣчество, что нужно измѣнить взглядъ на библейскія хронологическія данныя и на смыслъ библейскаго повѣствованія о каинитахъ, потопѣ, вавилонскомъ столпотвореніи и расселеніи племенъ. Г. Борисоглѣбскому было предложено выяснитъ правильно библейскій текстъ, говорящій объ этихъ событіяхъ, и разобрать новыя гипотезы, возникшія вообще не вслѣдствіе новыхъ изслѣдованій библейскаго текста, а подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ теорій, значительно удлиняющихъ древность человѣческаго рода и измѣняющихъ прежде принимавшіеся взгляды на ходъ исторіи человѣчества. Г. Борисоглѣбскій исполнилъ предложенную ему задачу удовлетворительно. Библейскій текстъ прочитанъ имъ по еврейскому подлиннику, имъ изслѣдованы важнѣйшія разногласія, для пониманія текста онъ пользовался прежде всего толкованіемъ Свв. Отцовъ и учителей церкви, а затѣмъ и новѣйшихъ изслѣдователей. Гипотезы, предложенныя его разбору, изучены имъ внимательно, и сдѣланный имъ ихъ разборъ вполне основателенъ. Онъ приходитъ къ тому выводу, что дѣйствительныя данныя современной науки не даютъ основаній для того, чтобы отказываться отъ издавна установившагося пониманія библейскаго текста. и показываетъ, что всѣ основанія сторонниковъ новѣйшихъ предположеній о библейскомъ повѣствованіи сводятся къ произвольному толкованію неясныхъ мѣстъ священнаго текста: библейскій текстъ очень сжатъ, и книга Бытія насчитываетъ за собою древность не менѣе 3¹/₂ тысяче-

лѣтій (а данныя X гл. несомнѣнно относятся еще къ болѣе древнему времени), многія названія лицъ, племень и расъ и указанія относительно мѣстностей звучать въ текстѣ совершенно загадочно, но новые ученые во имя предвзятыхъ взглядовъ совершенно произвольно истолковываютъ неразрѣшимыя въ настоящее время мѣста текста. Выводы г. Борисоглѣбскаго должно признать правильными. Онъ дѣлаетъ ихъ не голословно, но на основаніи долгаго и тщательнаго изслѣдованія, онъ обнаруживаетъ начитанность въ библейскомъ текстѣ и умѣнье пользоваться подлиннымъ текстомъ; видно, что онъ свободно можетъ переводить и съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Сочиненіе написано правильнымъ и легкимъ литературнымъ языкомъ. Таковы положительныя стороны труда г. Борисоглѣбскаго.

Недостатки его труда слѣдующіе:

Неудачный планъ сочиненія: оно начинается разсужденіемъ о послѣпотопномъ разселеніи человѣческихъ племенъ и кончается разсужденіемъ о всемірномъ потопѣ и о допотопныхъ племенахъ. Для читателя, не знающаго, чѣмъ вызваны и къ чему клонятся разсужденія автора, такой планъ будетъ очень затруднять чтеніе. Для автора, повидимому, долженъ былъ явиться естественнымъ планъ, опредѣляемый послѣдовательностію событій, о которыхъ онъ долженъ былъ говорить, но онъ почему-то не пожелалъ имъ воспользоваться.

Авторомъ упущена изъ виду религіозно-нравственная сторона событія, размышленіе о которой должно бы было способствовать ему и въ пониманіи этнографической, лингвистической и географической его сторонъ. Послѣпотопное разселеніе человѣческихъ племенъ было разъединеніемъ не географическимъ только, но и нравственнымъ единаго человечества и удаленіемъ многихъ народовъ на многіе вѣка отъ лица Божія. Это печальное событіе, имѣвшее великія нравственныя слѣдствія, непременно должно было повлечь за собою и быстрыя физическія измѣненія въ типѣ племенъ, ушедшихъ на страну далече. На томъ (нравственныя слѣдствія) и на другомъ (физическія измѣненія) авторъ долженъ бы былъ усиленно остановить свое вниманіе.

Авторъ обратилъ недостаточное вниманіе на хронологическую сторону вопроса и подвергъ недостаточной кри-

тикѣ теорію допотопнаго происхожденія желтой и черной расѣ.

Есть у автора ошибочныя предположенія (о позднемъ заселеніи Америки), неудобныя выраженія (объ особенностяхъ стиля бытописателя), невѣрные термины (ученіе Свв. Отцовъ и учителей церкви онъ вообще называетъ преданіемъ).

Но эти недостатки искупаются положительными качествами труда, и за свое сочиненіе авторъ долженъ быть признанъ вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“:

7. И. д. доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Васютина Гавріила*: „Преподобный авва Исаія“:

„Сочиненіе распадается на четыре части. Въ первой собраны источники свѣдѣній о Св. Исаіи, сдѣланы краткія замѣчанія относительно степени ихъ достовѣрности и на основаніи ихъ опредѣлено время жизни преп. аввы. Во второй главѣ на основаніи тѣхъ же источниковъ излагается жизнеописаніе преп. Исаіи. Третья глава содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о сочиненіяхъ преп. Исаіи, ихъ переводахъ и изданіяхъ. Въ четвертой главѣ въ систематическомъ порядкѣ излагается содержаніе твореній св. подвижника.

Предметъ сочиненія изслѣдованъ авторомъ со всѣхъ сторонъ и вполне удовлетворительно. Авторъ старательно собралъ и изучилъ всѣ источники, касающіеся преп. Исаіи, взвѣсилъ ихъ достовѣрность и вполне воспользовался ими. Такъ же тщательно онъ изучилъ и творенія подвижника. При изложеніи его ученія авторъ постоянно обращается къ подлиннику и во многихъ случаяхъ удачно исправляетъ неточности русскаго перевода. Литература о преп. Исаіи, правда, небогатая, тщательно собрана и критически провѣрена авторомъ.

Самое выполненіе темы, будучи вполне удовлетворительно въ общемъ и цѣломъ, не лишено недостатковъ въ частностяхъ. Сюда прежде всего нужно отнести стремленіе автора сказать больше, чѣмъ заключается въ источникахъ. Свѣдѣнія о жизни Св. Исаіи, сохранившіяся у древнихъ писателей, очень скудны. Не удовлетворяясь ими, авторъ старается нарисовать полную картину жизни св. подвижника и для этого постоянно прибѣгаетъ къ предположеніямъ,

часто не имѣющимъ никакой твердости и убѣдительности. Стремленіе пополнить скудость источниковъ обуславливаетъ у него и другой недостатокъ — внесеніе подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ темѣ. Таковы, напр., всѣ его разсужденія о происхожденіи монашества.

Что касается изложенія ученія о преп. Исаи, то оно почти исчерпываетъ все содержаніе его твореній. Опушено очень немного. Гораздо важнѣе другой недостатокъ изложенія — его внѣшній характеръ. Авторъ рѣдко задается вопросомъ относительно логической связи отдѣльныхъ положеній Св. Исаи, а гдѣ и касается этого, то выполняетъ эту задачу не вполнѣ удовлетворительно. Остановливаясь часто на общихъ мѣстахъ и ничего не объясняющихъ риторическихъ фигурахъ, онъ опускаетъ замѣчанія, которыя дѣйствительно проливаютъ свѣтъ на внутреннюю систему нравственнаго ученія Св. Исаи.

Со стороны направленія сочиненіе безупречно. Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія признаю съ своей стороны автора его достойнымъ степени кандидата богословія“.

8. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевского о сочиненіи студента *Вишерскаго Модеста*: „Значеніе просвѣтительной дѣятельности Св. Стефана Пермскаго въ связи съ движеніемъ русской колонизаціи Заволжскаго сѣвера въ XIV в.“:

„Авторъ съ умѣньемъ воспользовался скудными историческими данными и необильнымъ запасомъ изслѣдованій о просвѣтительной дѣятельности Св. Стефана, чтобы по возможности выяснить ея характеръ, какъ и „ея этнографическія и политическія слѣдствія“, т. е. ея отношеніе къ дѣлу обрусѣнія просвѣщеннаго Св. Стефаномъ края, такъ и участіе пермскаго просвѣтителя въ дѣлѣ расширенія предѣловъ русскаго государства на счетъ инородческихъ странъ (стр. 10). Въ заключительной главѣ авторъ пытается выяснить „вопросъ объ изобрѣтенной Св. Стефаномъ Пермской азбукѣ и о значеніи этого факта въ дѣлѣ его проповѣди“. Сочиненіе оживлено личными наблюденіями и впечатлѣніями автора, повидимому, знакомаго съ языкомъ и правами зырянскаго населенія того края, и можетъ быть признано очень хорошимъ“.

9. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочи-

неніи студента діакона *Вознесенскаго Александра*: „Предѣлы власти и предметы вѣдѣнія помѣстнаго собора“:

„Довольно обширное (1—357) сочиненіе студента діакона А. Вознесенскаго состоитъ изъ введенія, пяти главъ и заключенія.

Во введеніи (стр. 1—90) раскрываются авторомъ слѣдующія положенія: а) начало соборности лежитъ въ основѣ всего устройства православной церкви, ея законодательства и управленія и служитъ ея отличительнымъ свойствомъ по сравненію съ католичествомъ; б) видимыя дѣленія церкви Христовой на самостоятельныя (автокефальныя) и національныя церкви имѣетъ за себя твердыя каноническія основанія; в) обвиненія Русской православной церкви, идущія со стороны нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ канонистовъ, въ цезаропапизмъ не имѣютъ надлежащаго основанія: соборность лежитъ въ основѣ управленія и Русской церкви, какъ и прочихъ помѣстныхъ православныхъ церквей.

Въ главѣ 1-й представлена полная характеристика помѣстнаго собора вообще на основаніи какъ обще-каноническихъ источниковъ, такъ и источниковъ русскаго церковнаго права, причемъ указаны различныя виды помѣстныхъ соборовъ и ихъ взаимное отношеніе въ разсужденіи степени ихъ власти (стр. 91—154).

Въ гл. 2-й раскрываются предѣлы и предметы законодательной дѣятельности помѣстныхъ соборовъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ.

Въ гл. 3-й раскрываются предѣлы административной власти и предметы вѣдѣнія національно-церковнаго собора (стр. 233—319).

Въ гл. 4-й раскрываются предѣлы власти и предметы вѣдѣнія областного собора (стр. 321—346).

Въ гл. 5-й содержится сравнительно краткое изображеніе соборно-епархіальнаго управленія, имѣвшаго мѣсто въ древней церкви и примѣняемаго въ настоящее время въ православной японской церкви (347—351).

Сочиненіе носитъ ясныя слѣды ревностнаго и трудолюбиваго отношенія автора къ своему дѣлу: свои положенія авторъ всюду основываетъ на правилахъ вселенскаго законодательства и постановленіяхъ русскихъ соборовъ; кромѣ

того, онъ пользуется въ значительной мѣрѣ данными исторіи церкви греческой и русской; пособіемъ для него служили каноническія монографіи по данному предмету не только русскія, но и иностранныя (нѣмецкія и французскія).

По богатству содержанія, начитанности автора и основательности сужденій, имъ высказываемыхъ въ сочиненіи, послѣднее представляется весьма удовлетворительнымъ и достойнымъ поощренія. Но жаль, что этимъ хорошимъ качествамъ сочиненія не всегда соотвѣтствуетъ внѣшняя обработка: по мѣстамъ встрѣчается не вполне обработанныя въ стилистическомъ отношеніи фразы и не совсѣмъ удачное употребленіе отдѣльныхъ терминовъ.

Признаю автора заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

10. Доцента Василя Мышцына о сочиненіи студента *Волнина Александра*: „Мессія по изображенію пророка Исаи“:

„Трудъ студента Волнина состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Значительное по объему введеніе (1—81 стр.), въ виду отрицанія мессіанскаго смысла пророчествъ Исаи современными экзегетами раціоналистическаго направленія—отрицанія, находящаго отголосокъ и въ нашемъ обществѣ, посвящено авторомъ опроверженію взгляда на пророчество, какъ на проявленіе однѣхъ или почти однѣхъ естественныхъ силъ человѣка, подобно открытію генія, вдохновенію поэта и предчувствію. Для составленія этого введенія авторъ тщательно изучилъ относящійся къ этому вопросу библейскій матеріаль и близко ознакомился съ трудами многихъ современныхъ иностранныхъ ученыхъ (König, Orelli, Kiehm, Schwartzkopff и др.). За отсутствіемъ полемическихъ трудовъ на русскомъ языкѣ онъ самостоятельно разбираетъ взгляды этихъ ученыхъ. Если нѣкоторые доводы автора нѣсколько общи и не такъ убѣдительны, какъ могли бы быть, все же онъ даетъ здѣсь много весьма основательныхъ мыслей и доказательствъ. Предметъ введенія не требовался необходимо темой сочиненія: онъ обязанъ своимъ появленіемъ въ сочиненіи лишь трудолюбію и любознательности автора. Поэтому мы должны поблагодарить автора за эту сверхдолжную работу, особенно въ виду важности и современности затрагиваемаго имъ вопроса.

Первая часть сочиненія. посвящая заглавіе: „Еммануиль“, разсматриваетъ пророчества о Мессіи, какъ Царѣ (преимущественно въ главахъ съ 7-й по 11-ю), и состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой—авторъ излагаетъ и опровергаетъ чисто историческое, немессіанское пониманіе пророчествъ Исаи въ 7—11 гл. и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ положительные доводы въ пользу мессіанскаго толкованія ихъ, стараясь при этомъ уяснить связь между отдѣльными пророчествами, каковая и служить у него лучшимъ доказательствомъ ихъ мессіанскаго смысла. Вторая глава даетъ положительное раскрытіе указанныхъ выше пророчествъ. Во второй части сочиненія авторъ разсматриваетъ пророчества о Мессіи, какъ рабѣ Іеговы (главы 40—66), предлагая въ первой главѣ краткій историческій очеркъ и разборъ немессіанскихъ пониманій этихъ пророчествъ, а во второй—самое толкованіе ихъ.

Не смотря на кажущееся раздвоеніе одного и того же матеріала въ обѣихъ первыхъ и въ обѣихъ вторыхъ главахъ сочиненія, авторъ избѣжалъ естественныхъ въ такихъ случаяхъ повтореній и несомнѣнно выигралъ въ ясности изложения. Не стѣсняемый болѣе разными возраженіями и отрицаніями, онъ имѣлъ возможность дать во вторыхъ главахъ цѣльную и стройную картину мессіанскихъ чаяній прор. Исаи.

Что касается содержанія сочиненія, то авторъ сдѣлалъ все, что только можно требовать отъ сочиненія, писаннаго менѣе чѣмъ въ годичный срокъ. Разборъ отрицательныхъ мнѣній отличается у него полнотою и основательностію. Онъ имѣетъ въ виду всѣхъ главнѣйшихъ представителей экзегетической науки на Западѣ и, опровергая ихъ, всегда стоитъ на почвѣ текста и исторіи. Что особенно важно, каждое критическое замѣчаніе автора служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ положительному уясненію смысла пророчествъ. Въ положительной своей части авторъ всегда стоитъ на почвѣ церковнаго преданія и святоотеческаго пониманія, тщательно усвоеннаго имъ и подкрѣпляемаго всегда филологическими доводами частію на основаніи иностранныхъ и отечественныхъ ученыхъ трудовъ, частію самостоятельно, благодаря своему довольно основательному знанію еврейскаго языка. Какъ на характерныя черты сочиненія г. Вол-

нина слѣдуетъ указать на здравость и трезвость сужденія автора, на ясность и опредѣленность мысли. Можно и у него найти частные недостатки въ толкованіи нѣкоторыхъ словъ и выраженій; но въ столь сложномъ и обширномъ трудѣ они совершенно извинительны. По всѣмъ указаннымъ причинамъ мы не только считаемъ автора достойнымъ ученой степени кандидата богословія, но въ интересахъ православной богословской науки совѣтовали бы ему издать въ свѣтъ свой трудъ, предварительно сокративъ нѣсколько растянутую первую часть, пополнивъ вторую и сдѣлавъ нѣкоторыя частныя поправки“.

11. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Воронцова Евгенія*: „Ученіе о лицѣ Господа Иисуса Христа въ посланіи Апостола Павла къ Евреямъ“:

„Предметъ своего сочиненія авторъ ограничилъ истолкованіемъ Евр I—III, 6,—V, 6—10 и VII гл.

Главнымъ и общимъ недостаткомъ сочиненія должно признать отсутствіе въ немъ литературно-богословской обработки предмета (авторъ свое образованіе среднее получилъ не въ классической школѣ—духовной или свѣтской, а въ военной), обнаруживающееся въ слѣдующихъ частныхъ недостаткахъ:

1) Сочиненіе не представляетъ собою цѣлостнаго, строго законченнаго и систематически обработаннаго богословскаго разсужденія, въ коемъ, на основаніи всесторонне-истолковательнаго изученія текста посланія, дано было бы какъ общее строго-логическое опредѣленіе предмета, такъ и послѣдовательно-проведенное раскрытіе его частныхъ сторонъ,— но есть собраніе различныхъ, то болѣе подробныхъ, то краткихъ, но отрывочныхъ и внутренне не объединенныхъ обще-богословскими идеями, истолковательныхъ примѣчаній къ выше указаннымъ отдѣламъ текста посланія, по порядку словъ.

2) Внѣшнимъ образомъ такой характеръ сочиненія г. Воронцова сказывается въ отсутствіи главъ, отдѣловъ или параграфовъ, какъ и примѣчаній (подъ чертою или въ концѣ тетради): начавъ съ перваго слова посланія, сочинитель по порядку и, такъ сказать, единымъ почеркомъ и безъ перерыва ведетъ цѣпь своихъ истолковательныхъ

примѣчаній слово за словомъ, приче́мъ лишь кратко указываетъ иногда самыя общія мысли толкуемыхъ отдѣловъ, — не имѣя самъ и читателю не давая идейно-логической руководственной нити для путеводства въ этомъ лабиринтѣ частныхъ экзегетическихъ разсужденій.

3) Нерѣдко сочинитель очень далеко и надолго уклоняется въ сторону отъ главнаго предмета (толкованія текста посланія)—къ совершенно побочнымъ для темы предметамъ, — каковы всѣ длинныя разсужденія о происхожденіи приводимыхъ въ посланіи псалмовъ, что могло бы составить совершенно особый и обширный предметъ для отдѣльнаго изслѣдованія.

4) Во многихъ случаяхъ можно бы пожелать отъ сочинителя болѣе подробнаго сравненія ученія Апостола Павла въ посланіи къ Евреямъ съ другими его посланіями.

5) Наконецъ, отсутствіе литературно-богословской школы обнаруживается иногда и въ изложеніи, напр. въ такихъ выраженіяхъ: *безгрѣшіе* Господа, — *метафизическое сыновство* Христа Богу Отцу.

Такимъ образомъ, трудъ г. Воронцова представляетъ собою собственно черновую ученую работу, на основаніи коей должно бы быть построено строго продуманное и стройно обработанное богословское разсужденіе, — и тетрадь сочинителя могла бы быть приложена къ этому разсужденію въ качествѣ прочнаго научнаго основанія и обычныхъ примѣчаній въ концѣ тетради или подъ чертами.

Но при указанномъ недостаткѣ сочиненіе обладаетъ и весьма серьезными научными достоинствами:

а) Сочинитель обладаетъ обширную филологическую подготовку къ строго-научному экзегесу, — его умѣнье пользоваться данными филологіи въ цѣляхъ научнаго толкованія библейскаго текста почти достигаетъ уровня современной библейской филологіи Запада, — его познанія въ греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, халдейскомъ и сирскомъ языкахъ для даннаго предмета изслѣдованія не оставляютъ желать ничего большаго.

б) Кромѣ глубокаго изученія библейскихъ текстовъ (подлинныхъ и переводныхъ) сочинитель для уясненія или сравненія толкуемыхъ мѣстъ посланія обильно и умѣло пользуется какъ классическими писателями, такъ и, что

особенно важно, древне-іудейскими внѣ-библейскими писаніями — греческими (Филона Александрійскаго и Іосифа Флавія) и сврейско-халдейскими (таргумы, мидраши, талмудъ), путемъ раскрытія сходства или различія между ними и ученіемъ Апостола Павла, давая, всегда въ строго-православномъ духѣ, по мѣстамъ превосходныя изъясненія текста посланія.

в) Экзегетическая литература предмета, какъ новѣйшая западная (нѣмецкая и французская), такъ и древне-церковная (греческая и латинская періода отеческаго и средне-вѣковая) изучена сочинителемъ весьма тщательно и пользуется ею онъ обильно и умѣло.

г) Значительное мѣсто въ сочиненіи занимаютъ сопоставленія ученія Апостола Павла въ посланіи къ Евреямъ съ идеями Филона,—причемъ сочинитель вездѣ стоитъ на строго-православной почвѣ, и его опроверженія мнѣній о зависимости посланія отъ Филонизма—весьма основательны.

д) Языкъ сочиненія, за частными исключеніями, простой и научно-дѣловой.

Принимая во вниманіе эти достоинства сочиненія, особенно же научную цѣнность его филологической стороны, признаю трудъ г. Воронцова не только вполне достойнымъ кандидата богословія, но и заслуживающимъ одобренія“.

12. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевскаго о сочиненіи студента *Воскресенскаго Евгенія*: „Религіозно-нравственныя, историческія и политическія воззрѣнія древне-русскихъ лѣтописцевъ“:

„Задачу свою—систематически и по возможности обстоятельно изложить воззрѣнія древне-русскихъ лѣтописцевъ—авторъ разрѣшилъ очень удачно. Во вступительной главѣ своего сочиненія онъ сообщилъ свѣдѣнія о ходѣ и характерѣ древне-русскаго лѣтописанія и изложилъ приемы, которыхъ держался въ своей работѣ, причемъ обнаружилъ значительную начитанность и основательное изученіе предмета. Принявъ основными источниками для своего труда древнѣйшіе лѣтописные своды, онъ тщательно выбралъ изъ нихъ все мѣста, въ которыхъ выражаются воззрѣнія лѣтописцевъ, обдуманно сгруппировалъ и внимательно разобралъ ихъ. Недостатками труда являются обиліе дословныхъ выписокъ изъ лѣтописей и нѣкоторая дробность анализа, мѣшаю-

шая свести отдѣльные наблюденія автора въ цѣльное представленіе. Впрочемъ, этотъ послѣдній недостатокъ значительно исправленъ въ заключительной общей характеристикѣ возрѣній древне-русскихъ лѣтописцевъ. Сочиненіе Евгенія Воскресенскаго можно признать весьма хорошимъ“.

13. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Вылегжанина Николая*: „Явленія Воскресшаго Господа (филологическое, историческое и богословское объясненіе евангельскихъ повѣствованій о сихъ явленіяхъ)“:

„Сочиненіе имѣеть двѣ части: 1) *общую*, посвященную вопросамъ, касающимся всѣхъ вообще явленій Воскресшаго Господа, именно: а) объ исторической ихъ достовѣрности, б) характерѣ и цѣли, в) дѣйствительности ихъ, г) мѣстѣ и времени, д) числѣ и порядкѣ ихъ,— и 2) *частную*, въ коей толкуются евангельскія повѣствованія о явленіяхъ Воскресшаго Господа: а) женамъ мироносицамъ, б) Маріи Магдалинѣ, в) Еммаусскимъ путникамъ, г) ученикамъ въ день воскресенія, д) ученикамъ въ осьмой день по воскресеніи, е) на Тиверіадскомъ озерѣ, ж) на горѣ Галилейской и з) въ день вознесенія.

Недостатки сочиненія: а) нѣкоторые недочеты въ изученіи новѣйшихъ, какъ иностранныхъ, такъ даже и русскихъ научныхъ пособій по данному предмету; б) уклоненіе отъ изслѣдованія и разъясненія нѣкоторыхъ, въ богословскомъ отношеніи весьма важныхъ, вопросовъ, какъ-то: о тѣлѣ Вознесшаго Христа и нѣк. др.,—в) слишкомъ иногда общее и краткое изложеніе другихъ подобныхъ же вопросовъ, напр. объ исторической достовѣрности Марк. XVI, 9—20, о тѣлѣ Воскресшаго Господа и нѣк. др.

Въ противовѣсъ этимъ, нерѣдко бывающимъ и въ диссертацияхъ на высшія ученыя степени, а потому вполне извинительнымъ въ кандидатскомъ разсужденіи, недостаткамъ должно указать на слѣдующія *достоинства* сочиненія; а) цѣпность, полнота и законченность изслѣдованія предмета въ общемъ (т. е. исключая вышеуказанные случаи),— б) систематичность, стройность и обдуманность плана,— в) ясность и краткость изложенія,—г) обширное знакомство сочинителя какъ съ новѣйшею иностранною и русскою, такъ и съ древне-отеческою литературою предмета.

Въ виду указанныхъ достоинствъ своихъ сочиненіе вполне достойно кандидатской степени и заслуживаетъ полнаго одобренія“.

14. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Голованова Ивана*: „Происхожденіе и первоначальная исторія безпоповщины“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ небольшого вступительнаго отдѣла (стр. I—VII) и трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ, послѣ краткаго указанія основныхъ началъ безпоповщинскаго ученія, ставится вопросъ: какъ и подъ какими вліяніями сложилась и развилась безпоповщина? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является разсматриваемое изслѣдованіе. Авторъ останавливается, прежде всего, на двухъ явленіяхъ древне-русской жизни, тѣсно связанныхъ одно съ другимъ: на широкомъ распространеніи не только въ средѣ иночествующихъ, но и въ мірскомъ домашнемъ быту скитскаго богослужебнаго устава, излагавшаго порядокъ совершенія нѣкоторыхъ молитвенныхъ послѣдованій безъ участія іерархическихъ лицъ, и на обширности старинныхъ приходоу, въ которыхъ особенно при довольно часто отмѣчаемомъ историческими памятниками недостаткѣ священнослужителей—прихожане привыкали обходиться безъ этихъ послѣднихъ, удовлетворяясь домашнимъ и часовеннымъ богомоленіемъ по упомянутому скитскому уставу. Въ этихъ явленіяхъ древне-русской жизни авторъ и видитъ, вслѣдъ за другими изслѣдователями (А. Щаповъ, проф. Н. И. Ивановскій), главныя обстоятельства, *подготовившія почву* для безпоповщины. Во второй главѣ авторъ говоритъ объ оскудѣніи священства въ расколѣ и о развившемся въ средѣ его ученіи объ антихристѣ; этимъ двумъ обстоятельствамъ онъ усволяетъ значеніе *главныхъ причинъ*, вызвавшихъ и опредѣлившихъ собою доктрину безпоповщины въ старообрядческомъ расколѣ. Глава третья имѣетъ своимъ предметомъ, по мысли автора, обзоръ событій изъ первоначальной исторіи безпоповщины—до основанія Выгорѣцкой общины. Въ приложеніи къ сочиненію приведенъ списокъ вышеупомянутаго скитскаго устава богослужебнаго по одной изъ ркп. М. д. академіи (бывш. Волоког. м—ря).

При небольшомъ, сравнительно, объемѣ (VII+235 стр.) сочиненіе г. Голованова представляетъ трудъ содержатель-

ный и серьезный. Основной взглядъ на предметъ изслѣдованія, принятый авторомъ, правиленъ, а раскрытіе его въ изслѣдованіи, въ общемъ, основательно, обдуманно и достаточно полно, хотя въ частностяхъ могутъ быть отмѣчены и нѣкоторые недочеты. Такъ, автору слѣдовало бы попытаться точнѣе прослѣдить и подтвердить фактическими указаніями первоначальное распространеніе безпоповщины, какъ раскольниковскаго толка, именно тамъ, гдѣ особенно широко, въ силу необходимости, практиковалось раньше часовенно-скитское богослуженіе: это могло бы послужить важнымъ подтвержденіемъ основного положенія, раскрываемаго въ I главѣ. Нельзя не отмѣтить и того, что авторъ, при изслѣдованіи первоначальной исторіи безпоповщины (гл. III), принялъ слишкомъ ранній *terminus ad quem*, остановившись на такомъ моментѣ, когда, по его же собственнымъ словамъ, безпоповщина еще „не выдѣлилась строго отъ поповщины“, между той и другой не успѣло установиться явной розни и антагонизма,—когда у безпоповцевъ служили еще иногда попы стараго поставленія и были возможны совмѣстные соборы безпоповцевъ и поповцевъ (стр. 213). Но указанные недочеты изслѣдованія покрываются его достоинствами, указанными выше, къ которымъ нужно присоединить еще способъ изложенія — сжатый, но ясный и точный. Степени кандидата богословія авторъ достоин“.

15. И. д. доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Голубцова Николая*: „Юлій Фирмикъ Матерна и его критика язычества“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ главныхъ частей. Часть первая посвящена личности Фирмика Матерна, вторая часть—его сочиненію. Первая часть, въ свою очередь, распадается на отдѣльныя главы. Въ первой собраны и подвергнуты анализу источники свѣдѣній о личности писателя, а также критически обслѣдованы различныя мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ. Во второй главѣ авторъ излагаетъ собственное мнѣніе о личности апологета, о времени и обстоятельствахъ его жизни. Вторая часть сочиненія, посвященная изслѣдованію о сочиненіи Фирмика Матерна, такъ же раздѣляется на нѣсколько главъ. Первая содержитъ свѣдѣнія о времени написанія, поводѣ и цѣли полемическаго труда Фирмика Матерна. Во второй главѣ излагается

содержаніе этого труда, а въ третьей выясняется отношеніе Фирмика Матерна къ другимъ классическимъ и христіанскимъ писателямъ.

Уже приведенный краткій очеркъ содержанія сочиненія г. Голубцова показываетъ, что оно написано по очень стройному и ясному плану, охватываетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и совершенно исчерпываетъ вопросъ.

Выполненіе этого плана въ подробностяхъ также отличается крупными достоинствами. Источники свѣдѣній о личности Фирмика Матерна очень скудны, поэтому отъ автора требовалась особенная внимательность и осторожность, необходимыя для того, чтобы съ одной стороны воспользоваться всѣми данными источниковъ, съ другой—не извлекать изъ нихъ болѣе, чѣмъ они могутъ дать. Авторъ удачно избѣгаетъ того и другого недостатка.

О Фирмикѣ Матернѣ не существуетъ монографическихъ изслѣдованій. Литература о немъ ограничивается краткими замѣтками въ различныхъ курсахъ патрологіи и въ предисловіяхъ къ многочисленнымъ изданіямъ его сочиненія. Это обстоятельство однако не облегчало, а затрудняло задачу автора. Мелкія замѣтки нужно было собрать, сопоставить и извлечь изъ нихъ цѣнное. Для этого требовалось не мало труда. Съ другой стороны краткая и поверхностная литература о Фирмикѣ Матернѣ не затрогиваетъ много важныхъ вопросовъ о личности и сочиненіи этого писателя. Въ постановкѣ и разрѣшеніи этихъ вопросовъ авторъ былъ предоставленъ самому себѣ и былъ вынужденъ тщательно просматривать побочные источники, чтобы извлечь изъ нихъ свѣдѣнія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на его главный предметъ. Для этого также требовалось не мало труда и усердія. Авторъ выполнилъ эту двойную задачу вполне удовлетворительно и добросовѣстно. Онъ собралъ всѣ литературные замѣтки объ изучаемомъ писателѣ, отнесся съ критическою осторожностью, дополнилъ недостающее въ нихъ самостоятельнымъ изученіемъ предмета. Особой похвалы заслуживаетъ то обстоятельство, что авторъ взялъ на себя трудъ выяснить источники труда Фирмика Матерна и его отношеніе къ другимъ апологетамъ.

Итакъ, по ясности плана, полнотѣ, по трудолюбію автора

и добросовѣстности его отношенія къ источникамъ и пособіямъ сочиненіе можетъ быть признано очень хорошимъ.

Но есть въ немъ и нѣкоторые недостатки. Содержаніе труда Фирмика Матерна излагается по главамъ, а не систематически. Вслѣдствіе этого читатель, не знакомый съ сочиненіемъ апологета, можетъ составить по изложенію г. Голубцова лишь довольно блѣдное представленіе о немъ. Особенно мало отчѣнено догматическое содержаніе апологии. Въ 3-й гл. 2-ой части сочиненія отношеніе Ф. Матерна къ другимъ писателямъ понимается слишкомъ вѣдшимъ образомъ. Здѣсь указываются почти исключительно словесныя заимствованія его у предшественниковъ и мало обращается вниманія на внутреннее сродство идей. Но и при всемъ этомъ сочиненіе можно признать вполне удовлетворительнымъ. Направленіе безупречно“.

16. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Горскаго Сергѣя*: „Значеніе монашества для русской церкви и общества въ кievскій періодъ“:

„Жалуясь на бѣдность матеріала, авторъ заявляетъ: „какъ всегда бываетъ, скудность историческихъ свѣдѣній приводитъ или къ неполнотѣ изображаемаго предмета, или къ слишкомъ смѣлымъ, но безосновательнымъ выводамъ. Мы стараемся избѣгать второго недостатка и ставимъ своей задачей собрать и сгруппировать добытыя нами свѣдѣнія о церковномъ и общественномъ значеніи русскаго монашества, укладывая ихъ въ тѣ рамки, которыя они укажутъ сами, а не преднамѣчая этихъ рамокъ“ (стр. 2). Дѣйствительно, онъ по источникамъ собираетъ данныя, только прямо отвѣчающія на его вопросъ, группируетъ ихъ по разнымъ рубрикамъ, пересыпаетъ эти данныя комментаріями или критическими замѣчаніями и соединяетъ краткими разсужденіями, необходимыми для хода разсказа. Въ результатѣ получается разсужденіе, написанное по слѣдующему плану. Краткій очеркъ исторіи монашества до времени возникновенія Печерскаго монастыря. (Дальнѣйшей исторіи монашества нѣтъ). Значеніе монашества въ исторіи церкви, въ исторіи распространенія христіанства и охраненія православія и въ исторіи церковнаго богослуженія. Значеніе монашества въ исторіи общества: учительность древне-русскихъ иноковъ, духовничество, значеніе монастырей въ исторіи просвѣще-

нія, миротворческая дѣятельность монастырей, обычай печалованія и благотворительность. Узость взгляда автора на свою задачу безусловно повредила сочиненію. Начиная говорить о значеніи русскаго монашества въ кievскій періодъ, онъ не хочетъ дать себѣ отчета, что это была за сила въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. О степени распространенія нашихъ монастырей въ изучаемый имъ періодъ онъ не говоритъ вовсе, а вопросъ о ихъ нравственномъ состояніи считаетъ несущественнымъ для своей задачи. Для автора не важно то и другое, потому что здѣсь еще нѣтъ прямого отвѣта на его вопросъ. Съ другой стороны, вниманіе автора не возбуждаетъ церковная и общественная жизнь періода, поскольку она не касается ближайшимъ образомъ монашества, и онъ почти никогда не описываетъ, въ какой исторической средѣ сказалось вліяніе монастыря, какія содѣйствующія или противодействующія силы это вліяніе встрѣтило. Авторъ избѣжалъ того недостатка, котораго опасался, „слишкомъ смѣлыхъ, но безосновательныхъ выводовъ“, но его работѣ присущъ другой недостатокъ,—узость постановки вопроса, не извиняемая состояніемъ матеріала, и ея естественное слѣдствіе—дробность и отсутствіе цѣльности, опасности которыхъ авторъ не предвидѣлъ.

Оцѣнивая сочиненіе съ точки зрѣнія задачи, поставленной самимъ авторомъ, можно указать нѣкоторые мелкіе пробѣлы. Авторъ ввелъ отдѣлы излишніе въ его работѣ. Напр. краткій очеркъ исторіи монашества въ княженіе Владиміра и Ярослава излишенъ уже потому, что, по сознанію самого автора, монашество того времени едва-ли вліяло на общество (стр. 13). Онъ подробно разсуждаетъ о полемической литературѣ русскихъ іерарховъ противъ латинянъ. Нѣкоторые весьма цѣнные матеріалы не оцѣнены по достоинству; напр., въ вопрошаніяхъ Кирика авторъ не разсмотрѣлъ богатый матеріалъ для характеристики дѣятельности древнерусскаго духовника—монаха. Нѣкоторыя данныя не проверены критически и встрѣчаются натяжки изъ желанія приспособить указаніе въ пользу своего вопроса.—Но въ общемъ свою задачу авторъ исполнилъ добросовѣстно. Онъ тщательно собралъ матеріалъ и не заслуживаетъ упрека въ недостаткѣ знанія источниковъ. Группируетъ свой матеріалъ

большею частію удачно, такъ что у читателя само собою является представленіе о большой роли нашего древняго монашества въ тѣхъ или другихъ сторонахъ исторической жизни Руси. Особенно обстоятельно и наглядно авторъ указываетъ значеніе трудовъ древне-русскихъ иноковъ въ области церковно-богослужебной и описываетъ въ обширномъ отдѣлѣ ихъ учительность. Все сочиненіе написано простымъ и яснымъ языкомъ.

Поэтому сочиненіе г. Горскаго надо признать хорошимъ и заслуживающимъ автору степень кандидата богословія“.

17. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Грибановскаго Александра*: „О Промыслѣ Божіемъ (противъ деистовъ)“:

„Авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части. Въ первой онъ излагаетъ положительное ученіе о Промыслѣ Божіемъ (стр. 1—159), во второй устанавливаетъ понятіе о деизмѣ и предлагаетъ его краткую критику (стр. 160—235). Сочиненіе написано на основаніи, хотя и немногихъ, но надежныхъ источниковъ, которыми притомъ авторъ пользуется осторожно и умѣло. По мысли сочиненіе правильно. Рецензентъ долженъ отмѣтить лишь одно разногласіе съ авторомъ: по его мнѣнію, авторъ нѣсколько *преувеличиваетъ трудность теоретическаго доказательства* ученія о Промыслѣ (стр. 159), вслѣдствіе чего у него является *одностороннее* стремленіе обосновать это ученіе *исключительно* на нравственно-практическихъ требованіяхъ (постулятахъ) нашей природы. Съ этимъ едва ли можно вполне согласиться. Но за исключеніемъ этой односторонности, сочиненіе со стороны содержанія не возбуждаетъ никакихъ серьезныхъ недоразумѣній. Въ формально-логическомъ и литературно-стилистическомъ отношеніи, за немногими исключеніями, оно удовлетворительно: мысль ясная, точная, не запутана отклоненіями въ сторону и не осложнена выписками изъ книгъ, которыми нерѣдко студенты стремятся искусственно увеличивать объемъ своихъ сочиненій. Въ виду всего изложеннаго признаю г. Грибановскаго достойнымъ степени кандидата богословія“.

18. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *иеромонаха Дамаскина*: „О проповѣди для простаго народа“:

„Сочиненіе раскрываетъ данную тему въ такой послѣдовательности:

Въ главѣ I-й подъ рубрикою: *необходимость и значеніе проповѣди для простаго народа* авторъ разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросъ: можетъ ли быть рѣчь объ особенной для народа какой-либо проповѣди? Можно ли изъ всего общества вѣрующихъ выдѣлять какой-то plebs и назидать его особеннымъ какимъ-либо образомъ? По мнѣнію автора, кажущаяся на первый взглядъ странною такая постановка вопроса совершенно перестаетъ таковою казаться, если внимательно присмотрѣться къ дѣйствительнымъ явленіямъ русской религіозной жизни, а не смотрѣть на дѣло только теоретически. Въ дѣйствительной жизни народной авторъ указываетъ на крайнее невѣжество, неразвитость, неспособность понимать ту проповѣдь, какая вполнѣ понятна для образованныхъ классовъ общества: для простаго народа должна быть особенная проповѣдь. Въ послѣдней четверти настоящаго столѣтія вполнѣ сознаана потребность такой проповѣди и первые опыты ея оказались весьма удачными. Во II-й главѣ подъ рубрикою: *причины поздняго возникновенія вопроса о проповѣди спеціально для простаго народа* авторъ раскрываетъ ту мысль, что въ древней Руси не могло быть вопроса объ особенной народной проповѣди вслѣдствіе того, что наши пастыри не стояли такъ рѣзко обособленно отъ простаго народа, какъ стоятъ теперь: они не имѣли школьнаго образованія, не зубрили въ школахъ того богословія, не усваивали тѣхъ искусственныхъ гомилетическихъ приемовъ и искусственнаго гомилетическаго языка, какой усваиваютъ и какимъ привыкаютъ говорить теперь. Они могли тогда—насколько позволяло имъ собственное интеллектуальное развитіе—безъ всякаго труда быть народными въ своемъ назиданіи народа. Иное дѣло теперь. Въ главѣ 3-й подъ рубрикою: *современное состояніе проповѣди для простаго народа* авторъ изображаетъ плодотворныя усилія современныхъ русскихъ пастырей къ приспособленію церковной проповѣди къ пониманію ея простымъ народомъ; онъ находитъ, что эти усилія привели къ тому, что теперь вѣрно намѣченъ путь и задача народной проповѣди. „Но—оговаривается онъ—намѣтить задачи не значитъ выполнить ихъ и опредѣлить путь не значитъ свободно

пойти по нему. Для наиболѣе успѣшнаго выполненія намѣченныхъ цѣлей проповѣдь должна принять иѣкоторыя предосторожности, иѣкоторыя общія *идеи* (!), примѣненіе которыхъ не давало бы ей сбиться съ надлежащаго пути. Это приводитъ къ необходимости установить *возможные принципы* наиболѣе успѣшнаго дѣйствія проповѣди для простого народа“ (стр. 131).

Въ послѣдующихъ главахъ авторъ и раскрываетъ эти „идеи“ или „возможные принципы“, которые онъ потомъ совершенно правильно называетъ „условіями успѣшности проповѣди“. Такъ, въ гл. IV-й авторъ раскрываетъ условія успѣшности проповѣди со стороны *личности* проповѣдника. Съ особенной настойчивостью онъ говоритъ о тщательной подготовкѣ къ проповѣди и о добромъ поведеніи и высоконравственной личной жизни проповѣдника. Въ гл. V-й обстоятельно излагаются условія успѣшности проповѣди со стороны ея содержанія, формы, языка и произношенія. Въ гл. VI, VII и VIII раскрываются условія успѣшности проповѣди со стороны самихъ *слушателей* ея. Здѣсь авторъ говоритъ о необходимыхъ заботахъ пастыря о народномъ образованіи и нравственномъ воспитаніи своихъ пасомыхъ путемъ участія въ образованіи дѣтей, путемъ церковныхъ виѣбогослужебныхъ собесѣдованій и путемъ частныхъ домашнихъ назидательныхъ бесѣдъ пастыря съ пасомыми.

Какъ видно изъ этого общаго содержанія сочиненія, оно раскрываетъ тему связно, послѣдовательно и полно. А кто возьметъ на себя трудъ прочесть самое сочиненіе, тотъ найдетъ, что оно, лишь за немногими исключеніями, и обстоятельно и основательно. Все это очень хорошо. Но дѣло въ томъ, что на долю самостоятельнаго труда автора во всемъ этомъ приходится отвести весьма не много. Ибо все сочиненіе есть сложенная компиляція изъ русскихъ книгъ и статей по данному вопросу. Авторъ съ большимъ увлеченіемъ пользовался этими готовыми трудами, — даже до забвенія — по мѣстамъ своей національности (сербской). Такъ онъ отъ собственнаго лица нерѣдко выражается о *русскомъ* народѣ и о *русской* исторіи — „*нашъ народъ*“, „*наша исторія*“, „*наши предки*“. Очевидно, что въ эти моменты составленія своего сочиненія онъ забывалъ о томъ, что ему слѣдовало подлинное „наши“ замѣнить словомъ — „русскіе“.

Это обстоятельство, конечно, значительно понижаетъ цѣну авторскаго дѣланія. Но принимая во вниманіе не русскую національность автора, тѣмъ не менѣе успѣвшаго весьма обстоятельно познакомиться съ русскою литературою своего предмета и изложить плоды своего знакомства связно, послѣдовательно и полно, не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, оставлять безъ награды столь полезнаго его труда, который можетъ ему, какъ священнику, пригодиться, быть можетъ, и для практическаго употребленія въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія православному сербскому народу.

Признаю сочиненіе достаточнымъ для удостоенія автора степени кандидата богословія“.

19. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента священника *Доброхвалова Михаила*: „Св. Игнатій Богоносецъ и его посланіе къ Ефесянамъ“: „Сочиненіе отца Доброхвалова состо.тъ изъ введенія (стран. 1—21), шести главъ изслѣдованія (гл. I, стр. 22—46; гл. II, стр. 46—139; — III, 139—295;—IV, 295—335;—V, 336—377 и VI, 377—461) и заключенія (стр. 461—466). Изслѣдованіе можно подраздѣлить на двѣ части: патристическую (гл. I—IV) и филологическую (гл. V—VI), очевидно, не равныя. Въ первой изъ нихъ излагаются біографическія свѣдѣнія о св. Игнатіи и бібліологическія свѣдѣнія о посланіяхъ его вообще и о посланіи къ Ефесянамъ частности; вторая же посвящена филологическому разбору посланія къ Ефесянамъ.

Будучи не равны по объему, указанныя двѣ части изслѣдованія о. Доброхвалова не равны и по значенію своему. Филологическая часть слабѣе патристической и по обработкѣ, и по доказательности, основательности. Авторъ, на стран. 21-й, гдѣ излагаетъ планъ своего труда, самъ говоритъ, что „филологическимъ разборомъ посланія къ Ефесянамъ“ онъ намѣренъ былъ „подтвердить“ только „выводы“, къ которымъ имѣлъ придти въ своемъ изслѣдованіи. И дѣйствительно, все изслѣдованіе автора въ сущности направлено къ одной цѣли,—къ доказательству подлинности посланій св. Игнатія, разсматриваемыхъ въ качествѣ памятника древней христіанской письменности. Доказательству того же служить у автора и филологическій разборъ посланія къ Ефесянамъ (гл. VI, стр. 377—461), которому пред-

шествуетъ (гл. V, стр. 336—377) общее разсужденіе о языкѣ, на которомъ писалъ св. Игнатій и о содержаніи и слогѣ посланія къ Ефесеянамъ, какъ о томъ ясно высказывается и самъ авторъ изслѣдованія (стр. 462). Такимъ образомъ въ изслѣдованіи дѣло поставлено нѣсколько односторонне. Не свободно оно и отъ другихъ недостатковъ какъ со стороны содержанія (напр. слабость основаній къ опредѣленію такой, а не иной постановки предмета, на стр. 12 и 13, срав. 21; нѣкоторыя противорѣчія, на стр. 24—25 о легендарномъ характерѣ мученическихъ актовъ, то допускаемомъ, а то отрицаемомъ, также на стр. 250 по сравненію съ сказаннымъ раньше), такъ и со стороны изложенія (напр. недостатокъ отдѣлки русской рѣчи въ конструкціи предложеній, стр. 3, 7, 15, 29 и т. д.; недосмотры въ отношеніи къ греческимъ словамъ и фразамъ, стр. 14, 68, 80, 272, 279, 379 и т. д.). При всемъ томъ единство мысли, стройность плана, ясность, живость и одушевленность изложенія, строго-православный взглядъ на предметъ и успѣшная борьба съ иномыслящими по вопросу о подлинности посланій св. Игнатія и о достоинствѣ самого лица сего мужа апостольскаго, цѣнные плоды и филологическихъ изысканій автора, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, а равно и другія достоинства сего изслѣдованія, довольно обширнаго, даютъ разсматриваемому сочиненію полное право на присужденіе автору его степени кандидата богословія“.

20. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Долганева Ефрема*: „Обзоръ главнѣйшихъ событій изъ исторіи абиссинской церкви отъ начала ея существованія до позднѣйшихъ временъ“:

„На 75-й стр. своего сочиненія г. Долганевъ пишетъ: „Съ половины V вѣка (послѣ отпаденія отъ православной церкви) государство эііоповъ словно исчезаетъ съ лица земли на цѣлое тысячелѣтіе. Вдругъ въ концѣ XV в. европейцы съ изумленіемъ узнаютъ, что въ нѣдрахъ Африки существуетъ христіанское государство, съ успѣхомъ отстаивающее свою независимость отъ исламизма. Безусловное молчаніе исторіи и географіи смѣняется тысячами преувеличенныхъ разсказовъ, жадно выслушиваемыхъ легковѣрнымъ любопытствомъ“. Однако и теперь, по исте-

ченіи повыхъ четырехъ столѣтій, дѣло изученія Абиссиніи весьма мало двинулось далѣе разказовъ разнаго рода нутешественниковъ и собиранія сомнительныхъ по своей достовѣрности преданій. И теперь исторія Абиссиніи представляетъ собою почти такую же загадку, какой она была и для XV вѣка. Поэтому, г. Долганевъ совершенно правъ, взявши на себя задачу дать не очеркъ исторіи абиссинской церкви, а лишь обзоръ главнѣйшихъ событій изъ этой исторіи.—Свое сочиненіе онъ расположилъ по слѣдующему плану: послѣ краткаго введенія, въ которомъ характеризуется современное состояніе свѣдѣній объ Абиссиніи и перечисляются источники и пособия, Долганевъ занимается вопросомъ о древней религіи абиссинцевъ (1—19); затѣмъ, на основаніи древнихъ церковныхъ историковъ и мѣстныхъ абиссинскихъ сказаній, ведетъ рѣчь объ обращеніи Абиссиніи въ христіанство (20—61) и отпаденія ея отъ союза съ православной восточной церковью послѣ Халкидонскаго собора (62—73). Дальнѣйшія двѣ главы посвящены изложенію исторіи попытокъ католическихъ миссіонеровъ подчинить Абиссинію папѣ (74—112) и разсмотрѣнію догматическихъ движеній и партій, существовавшихъ и теперь существующихъ въ этой церкви (113—176). Оканчивается сочиненіе рядомъ нѣкоторыхъ практическихъ совѣтовъ по адресу будущихъ православныхъ миссіонеровъ въ Абиссиніи.

Какъ всякое сочиненіе, написанное на основаніи имѣющихся въ наукѣ изслѣдованій по извѣстному вопросу и не задающеея цѣлю разыскать новыя данныя, и трудъ г. Долганева можетъ быть оцѣниваемъ лишь съ той точки зрѣнія, насколько широко онъ изучилъ существующую касательно Абиссиніи литературу и какъ ею воспользовался. Въ этомъ отношеніи работа Долганева не свободна отъ недочетовъ. Въ списокѣ его пособій, помѣщенномъ на 5—6 стр. введенія, недостаетъ нѣкоторыхъ сочиненій.—по преимуществу новыхъ,—изъ которыхъ онъ могъ бы почерпнуть важныя пополненія и поправки для своего труда (напр. сочин. Дилльмана, Acta Sanctorum, Окт., и др.). По какой-то странной случайности въ этомъ списокѣ отсутствуютъ и тѣ весьма немногія изслѣдованія касательно Абиссиніи, какія есть на русскомъ языкѣ (архим. Порфірія Успенскаго, В. Болотова); однако изъ сочиненія Долганева открывается,